

ЧЕРНОБЫЛЬ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

12+

НАТАЛЬЯ КАРПОВИЧ

Наталья Николаевна Карпович Чернобыль. Страницы жизни и любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57213156

SelfPub; 2020

Аннотация

Автобиографическая история о невероятной любви и безутешной боли, которую надо преодолеть, чтобы выжить и двигаться дальше, добиваясь успеха. Мир Натальи, хрупкий и таинственный, после встречи с Сергеем заиграл новыми красками. Казалось, теперь счастьем не будет конца. Красивая свадьба, планы на будущее, дети. И вдруг, уже в конце 90-х, в жизни героев опять прозвучало это страшное слово "Чернобыль". Книга расскажет на реальном примере, как найти силы, когда смысл жизни потерян, а мир прекратил существовать.

Эти слова в моей душе для мамы Серезжи Галины Акимовны:

«Дорогая мама. Спасибо Вам за прекрасного сына, мужа, отца, человека, защитника Родины. Низкий поклон».

С уважением и любовью,

Наташа

*Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась любовь
И затаилась, замерла до срока,
А срока было сорок сороков...*

В. Высоцкий

Наша жизнь – это множество знакомств, встреч и расставаний. Когда-то давно, будучи совсем юной девушкой, я вышла замуж за человека, которого любила. У нас родилась

дочь. Казалось, все шло своим чередом, однако со временем мы поняли, что совместная жизнь невозможна...

То ли любовь прошла, то ли не было ее вовсе, а может, гордыня не дала понять и простить друг друга. Как мы разошлись, я описывать не стану. Расставание для меня было страшным, мучительным. Тогда я получила от жизни большую оплеуху, многое переоценила и поняла. Иногда, помимо моей воли, мозг буравила мысль, заставлявшая похолодеть: неужели я больше никогда в жизни не испытаю неповторимого, неземного ощущения настоящей Любви? Со мной осталась дочь, я начала новую жизнь, но все равно было очень тяжело: чувство одиночества с каждым днем становилось острее. Я стала анализировать свое состояние, записывать мысли, приходившие тогда в голову.

«Одиночество – это не самое плохое состояние, оно многому учит и заставляет думать. Жизнь раскрывается совершенно по-другому, ты словно наблюдаешь ее со стороны и потом находишь выход. Только в одиночестве познаешь цену настоящего тепла и близости, нежности и любви. Оно учит и совершенствует тебя. Не надо бояться одиночества, оно не враг, а друг...» Сами собой возникали вопросы: чего я хочу? кто Он? Я искала Его и знала, что Он где-то есть.

Вернусь к своим старым записям: «Я уверена: как только человек, которому буду нужна, встретится на моем жизненном пути, все встанет на свои места. Пока же я обязана жить и вести свои дела. Неважно, будет этот человек богат

или беден, я приму его любим, лишь бы он нуждался в моей любви, искренности и честности и сам был способен любить и беречь меня. Где ты, мой единственный друг? Я так устала от лжи и притворства, приди скорей и защити меня, закрой от всего этого! Как же мне хочется жить с любовью в душе, приклонить голову к твоему плечу, почувствовать твой запах.... Однажды встретить и узнать, что ты всегда будешь со мной. Просыпаться от твоего поцелую и целовать тебя спящего, ощущая твое дыхание.... Говорить с тобой обо всем, баловаться, смеяться и плакать, ждать и каждый раз радоваться твоему приходу. Я так соскучилась и устала без тебя. Приходи домой, мой милый. Я знаю, что ты тоже устал и ждешь встречи со мной. Ты ищи, и мы обязательно будем вместе. Поцелуй нас объединит. Наша постель унесет нас в мир любви и наслаждений. Мы подарим друг другу бесценный дар – нашу любовь. Обретем покой и счастье. И будем сохранять его и беречь. Я жду тебя, мой единственный любимый человек...»

* * *

Встреча с Ним была очень простой, обыденной и в то же время удивительной. В конце октября 1996 г. я, как обычно, подъехала к бассейну, в котором ежедневно бывала вот уже

четыре года. Бассейн – это отдушина, едва ли не единственное место, где я отдыхаю, расслабляюсь, где никогда не комплекую и не чувствую себя несчастной.

Настроение было под стать погоде – паршивое. Одинокая и с ноющей болью в душе я стала парковаться. Подъезжая к стоянке, я увидела молодого человека в сером плаще, который активно жестикулировал руками, показывая, как лучше поставить машину. Причем делал он это явно с расчетом, чтобы на него обратили внимание. Я вспомнила, что раньше видела его в бассейне – он всегда приходил с другом, но не обращала внимания, в какое время он появляется. Вообще-то в лицо я знала почти всех, а по именам – лишь некоторых.

В тот день я подсознательно почувствовала, что он обратил на меня внимание. Почему-то я замешкалась у машины, и получилось так, что к входной двери в бассейн мы с ним подошли почти одновременно. За спиной я услышала мужской голос:

– Ну что, купнемся?

Повернув голову и взглянув на него, неожиданно для себя испытала сразу несколько чувств: раздражение, волнение, интерес. Ответила я игриво, но в то же время свысока:

– Легко!

В холле я с возмущением рассказала о поведении молодого человека, – каков нахал! – своей знакомой, работавшей на контроле. Ее нелестное высказывание о нем почему-то еще

более ухудшило и без того плохое настроение. Я долго болтала с девчонками в кафе, потом пошла в солярий. Когда, наконец, очередь дошла до спортзала и бассейна, молодых людей уже не было...

Мало ли в нашей жизни происходит случайных встреч, которые ничего не значат и быстро забываются, не изменив ее размеренного течения. Однако через несколько дней в спортзале я снова увидела этого молодого человека. Он вежливо со мной поздоровался – и все. Так продолжалось несколько занятий.

Некоторое время спустя он подошел ко мне и уже как знакомому человеку, искренне огорчаясь, стал рассказывать о том, как ему разбили машину. Помню, что именно эта искренность поразила меня тогда. Я стала присматриваться к нему. Он мне нравился. Хорошо подстрижен, легкая небритость. Глаза.... Да, у него были красивые голубые глаза, длинные ресницы. Он был хорошо сложен, хотя... хотя ноги у него были, пожалуй, коротковаты. В общем, он произвел на меня впечатление. Женщинам он нравился, это чувствовалось, как, впрочем, и то, что он тоже не был к ним равнодушен...

Какое-то время мы не виделись: мне было тяжело, я снова была морально подавлена и сидела дома. Ко мне приехал мой друг и вытащил – именно вытащил! – меня в бассейн. Мы поехали на его машине. Я вошла в бассейн, не имея ни малейшего желания заниматься. Автоматически хотела идти

переодеваться, как вдруг сзади послышались шаги:

– Здравствуйте!

Повернув голову, я увидела того самого молодого человека. Он был искренне рад нашей встрече, улыбался, и у меня как-то сразу полегчало на душе.

Мы долго болтали. Его звали Сергеем. Я предложила продолжить общение в кафе после занятий, он замялся, сказал, что, наверное, не сможет. Моя реакция была на удивление спокойной: «Ну что ж, как-нибудь потом!».

От тренировки я получила удовольствие, что в последнее время случалось очень редко. Войдя после занятий в кафе, я увидела его. Он ждал, предложил довезти меня до дома. Вместе с другом они согласились подождать, пока я перекушу.

Мы ехали в красивом автомобиле его друга: машина Сергея все еще находилась в ремонте. В дороге я разоткровенничалась, почему-то сразу рассказала и о своей не сложившейся личной жизни, и о дочери, и об учебе... Друг Сережи довез нас до моего дома, он сильно торопился и сразу уехал. Сергей вышел со мной. Погода была промозглая, слякотная – стоять в арке было глупо. Я повернулась к своему новому знакомому и сказала:

– Не подумайте ничего плохого, но я могу пригласить вас к себе на чай.

Он согласился. Я понимала: он шел не за чаем, ему надо было «поставить галочку» – завтра на работе его ждали с по-

бедой.

Мы поднялись ко мне, долго беседовали. Он действительно мне нравился: особенно привлекала его искренняя манера разговора. Я любовалась им, но почему-то была уверена, что между нами ничего не будет.

Естественно, он опоздал на метро. Постелив ему постель, я хотела уйти из комнаты. Но вдруг он обнял меня и крепко прижал к себе. Я хотела оттолкнуть его, вырваться, но вместо этого только чуть-чуть дернулась. Он держал меня крепко, его сильные руки не отпускали меня. Губами он ласкал мои щеки, шею... Я осталась с ним...

Наконец-то оно пришло – чувство, что это он – тот единственный, которого я так ждала. Обняв его, я в этом уже не сомневалась. Возникло удивительное ощущение целостности, гармонии. Он был настойчив и нежен. Мне было безумно хорошо, но мысль о том, что это счастье лишь на одну ночь, не покидала меня. Я ушла к себе, но он снова оказался рядом, и было такое ощущение, будто мы вместе уже лет сто, я наслаждалась тем теплом, которое он мне давал...

Сергей разбудил меня рано утром. Ему надо было уходить на работу, а меня опять не покидало ощущение того, что сказка закончилась, прекрасный сон оборвался и больше ничего не будет. Мы долго прощались. Он говорил, что не хочет уходить, и я верила в это, хотела верить. Был четверг, 31 октября.

Прошла пятница. Он мне не позвонил. В голову лезли раз-

ные мысли. Все правильно, я ведь знала, что будет именно так, и успокаивала себя тем, что я свободная женщина и делаю то, что хочу.

Его субботний звонок застал меня врасплох. Я безумно хотела увидеть Сергея, но вела себя сдержанно. Он рассказал, что плохо себя чувствует, но может приехать за мной. Я ответила, что нахожусь неподалеку и могу заехать к нему сама. Для себя уже решила: будь что будет, но ехала, почему-то очень волнуюсь.

Мы прекрасно провели время. Рядом с ним я чувствовала себя настоящей женщиной – желанной, слабой, защищенной. И сколько бы ни было у него женщин, в тот миг он был только мой. И делал все только для меня: принес мне в постель легкий полдник, много рассказывал и смеялся.

Сергей предложил посмотреть его альбомы. Листая страницы, я увидела фото девушки, которую знала. Он немного смутился, сказал, что надо было убрать эту фотографию. Но я спокойно отреагировала: «Это твоя жизнь, и не надо из нее ничего убирать, главное то, что сейчас мы вместе и нам хорошо. У тебя есть своя жизнь, а у меня своя». Сергей понял, и от этого наши отношения стали еще теплее.

Конечно, мне было неприятно увидеть эту фотографию, однако я не имела права его в чем-то упрекать. Я была с ним, а это самое главное. Вечером мы расстались, он поехал на день рождения к девчонкам, а я – к себе домой. Мне безумно не хотелось с ним расставаться, но я не чувствовала се-

бя вправе вмешиваться в его планы. Было немного больно и обидно, и я вновь утешала себя тем, что знала: все это не надолго...

Он позвонил ночью, попросил разрешения прийти. Был довольно пьян. Уснул. Но даже такой он мне нравился. Рядом с ним было удивительно легко и хорошо.

Утром мы поехали на «поляну». Это удивительное место. Туда приходят люди с собаками-питбультерьерами, притравливают их, готовят к боям. Это зрелище поразило меня не меньше, чем человек, который привел меня туда. Уже пора было уезжать, а мы стояли, как дети, держась за руки, и не находили слов. Так прошло наше первое воскресенье.

Мы стали встречаться, отрезав все прошлое, и вошли в настоящее, которое принадлежало только нам. Я узнавала Сергея все больше и больше, наслаждаясь мгновеньями, проведенными с ним наедине. Но я ведь мать, и жизнь поставила меня перед необходимостью тяжелого выбора: оставаться на выходные с человеком, с которым безумно хорошо, или с дочкой, в которой души не чаешь и которой нужна больше всех на свете. Но он – самый лучший на свете, мой родной, единственный человек – все поставил на свои места.

Я сказала, что в эти выходные не смогу с ним встретиться, поскольку проведу их с ребенком. Он быстро предложил другое решение:

– Ты нравишься мне, значит, понравится и твоя дочь. Я хочу с ней познакомиться.

Тот вечер мы провели как настоящая, дружная семья. Я привезла от своих родителей дочку. Сергей познакомился с ней и был по-настоящему счастлив. Он шутил, не переставая, а немного выпив, стал таким забавным.

Однажды к нам в гости пришли друзья. Сережа стал им говорить о том, что у меня в животе его сынок. С чего бы? Правда, уже в первые дни нашего знакомства он сказал мне: «Знаешь, ты та женщина, от которой я хотел бы иметь ребенка». С самых первых встреч он относился ко мне с теплотой и нежностью. Сейчас он знал, что у меня задержка, но просил ничего не решать без него.

В этот вечер он хвастался друзьям, что я жду от него ребеночка. И я увидела, что он не шутит, он действительно хотел этого малыша. А самое главное, он любит мою дочь и относится к ней с заботой и вниманием. Этот человек становился для меня самым дорогим и близким.

Но я знала, что так не может быть, так не бывает. Когда он спал, я часто сидела около него, гладила его, наслаждалась его запахом и ощущением того, что нахожусь рядом с ним. Иногда становилось так обидно, что мы с ним просто встречаемся, а ведь вместе-то не будем! Он бабник, холостяк, человек, живущий сегодняшним днем. Зачем ему женщина с ребенком и со всеми своими проблемами? Почему я так боялась поверить в свое счастье? Откуда у меня была уверенность, что все это временно?

Задержки на неделю или на две стали постоянными. Сер-

гей спросил меня: «Все в порядке?» Я ответила: «Ходила к врачу, он сказал, что если рожать, то спираль надо снимать. Если же не рожать, то все равно надо ее снять и пользоваться другими средствами, а то из-за этих задержек потом могут возникнуть сложности при беременности».

Он взял мои руки, поцеловал и сказал:

– Снимай ее к черту.

Я попыталась возразить:

– Я сразу забеременею.

– Да, да. И родишь мне сына. У нас с тобой будет сын.

Сереза потихоньку стал перевозить вещи ко мне, причем делал это очень тактично и осторожно. Мы сходили к врачу и стали ждать момента, когда наша близость принесет нам радость, плод нашей любви. Все произошло очень быстро: в январе я забеременела. Сереза был так счастлив!

Он перевез вещи, но ему все равно было тяжело, надо было привыкнуть, ведь все вокруг было чужим.

На старый Новый год у нас дома появился пес Добрый. Перед этим мы каждую неделю ездили к другу Сергея смотреть на Доброго. Я знала, что Сереза очень любит этого щенка, и предложила взять его к нам.

Неожиданно на нас обрушилась куча проблем и неприятностей: Серезину должность сократили, мы стали потихоньку закрывать мой бизнес. Но все беды он делил со мной, все эти дни и ночи он был рядом, закрывая меня от проблем своей любовью. Я знала, что любима, что он рядом, и поэтому

все будет хорошо.

Это был очень тяжелый период нашей жизни, и только благодаря Сереже я выжила. Состоялась наша свадьба. Сережа сказал, что мы должны расписаться – нечего байстрюков плодить. Бракосочетание мы назначили на 25 апреля. Это была очень красивая и счастливая свадьба. Нам было весело, мы наслаждались друг другом. Мы любили и уважали друг друга. Сколько было тепла, любви, счастья и нежности в его глазах! На свадьбе он спел мне песню, которая вызвала слезы у всех. Он пел для меня. Он пел своей любимой женщине. Мне.

Беременность протекала очень тяжело. С первых дней начался сильный токсикоз. Сергей очень переживал, боялся за меня. Один раз, видя, как мне плохо, сказал:

– Может, поедем, сделаем аборт, ведь тебе так плохо.

Я знала, что ради меня он был готов лишиться себя сына, но не могла поступить так, я хотела сохранить нашего ребенка, ребенка от него. Он целовал меня и говорил:

– Я люблю тебя, моя единственная. Только ты можешь все выдержать, и я рад, что ты моя и носишь моего малыша.

Я помню его слова, и как приятно, когда твой родной, любимый человек ценит и понимает все. И какое счастье быть с таким человеком.

Наше материальное состояние ухудшалось, но мы все равно собрались съездить к Сереже на родину – на Украину. Он очень хотел познакомить меня со всеми родными и знако-

мыми, чтобы они непременно увидели его жену.

Когда мы познакомились, он всем говорил: «Это моя любимая женщина», а когда расписались: «Это моя жена». Слово «жена» стало звучать для меня как музыка. Какой счастье быть его женой. А он гордился и хвастался своей семьей. Он любил нас – меня и дочь.

Мы замечательно отдохнули, и у Сережи дома мне было очень хорошо: милые, добрые родители, замечательные, искренние друзья. Мы пробыли на Украине всего две недели, но надо было возвращаться: дочке Лене настала пора идти в первый класс.

Вскоре решился вопрос об усыновлении Елены Сережей, он официально стал ее папой. Когда ему вписали ее в паспорт, он бегал и всем показывал, что у него есть дочь. Он этим очень гордился. Лена пошла в школу с новой фамилией и отчеством, она очень любила папу. Он сделал для нее все: она пошла в лучшую школу. Дочь стала нашей, а он был отцом – настоящим и единственным.

Схватки начались на две недели раньше. После посещения консультации врачи посоветовали срочно ехать в больницу. Токсикоз был с первых до последних дней, я не набирала веса, силы уходили. Он очень переживал, но его не покидала уверенность, что у нас будет сын, сын и только сын. УЗИ подтвердило, что должен родиться мальчик, даже сделали снимок. Сережа всем его показывал, хотя неспециалисту что-то понять там было трудно.

Роды были долгими и тяжелыми, только на следующий день к вечеру, в 18.45, я родила сына Александра. Обо мне долго не давали никакой информации, поскольку я была в тяжелом состоянии.

Серее почему-то сказали, что у него дочь. Медсестра, сообщившая это, выслушала поток брани и ругательств: у него был шок, обида на всех и вся. Ему нужен был только сын. Через 20 минут ему перезвонили домой и с извинениями сообщили, что у него сын: вес – 3,900, рост – 53 см. Он рассказывал, что в этот момент жизнь вернулась к нему. Счастье было через край, он любил нас, и мы это чувствовали на расстоянии.

Серее приходилось ездить на машине, халтурить: жить было не на что. А меня надо было хорошо кормить. Ночью заработает, а днем все потратит и везет мне продукты в роддом. Да дома дочку покормить и в школу отправить – все было на нем.

Нас выписали 14 октября. Он встречал меня с охапкой роз и был самым счастливым папой на свете. Мы жили дружно, и жизненные проблемы делали наш брак только крепче, из-за денег не было ссор никогда. Маленький Сашка принес еще больше уважения и тепла в отношения между нами. Наверное, это и есть самое настоящее счастье.

Мы наблюдали, как растет наш малыш, и наслаждались своим счастьем: мы вместе, у нас есть дочь и сын.

18 апреля 1998 г. Серее исполнилось 34 года. Мы отме-

чали его день рождения дома. Рано утром я положила ему на подушку красиво упакованную коробочку. В ней были часы – те, которые ему безумно нравились. Титановые. Он всегда их хотел. Я была рада, что смогла заработать деньги, накануне побежала в магазин, долго выбирала. Часы ему очень понравились. Весь день он хвастался и воображал – он умел делать это весело и добро. Этот подарок он берег и хранил до конца жизни.

В конце мая самочувствие Сережи ухудшилось, стали усиливаться боли в животе, на правом боку росла шишка. Боли случались и раньше, но, бывало, он поголодает – и все проходило.

В 1986 году Сергей был ликвидатором аварии на Чернобыльской АЭС. Когда двенадцать лет спустя боли стали беспокоить его постоянно, он поехал в черныбыльскую поликлинику, ему дали направление на отоскопию. В условиях поликлиники ее сделать нельзя, нужно было ложиться в стационар. Он очень не хотел идти в больницу, боялся. Мы звонили в разные медицинские центры, узнавали, но пришлось ложиться в стационар. Сережу не стали обследовать и даже не сделали назначенный в поликлинике рентген, а всего лишь удалили полип, который располагался совершенно в другом месте. До источника боли врачи попросту не дошли, так как пациент был плохо подготовлен к операции.

Сережа пролежал в больнице три недели. Впервые я пришла к нему в день операции, и мне стало страшно: он был

бледно-зеленый, весь измученный. Я принесла ему корзинку с розами. Он ухаживал за ними, поливал их. Затем я приходила каждый день. Уже перед выпиской я подошла к очередному лечащему врачу и спросила, насколько серьезно его положение. Ответ прозвучал, как гром среди ясного неба: возможен рак. Земля стала уходить из-под ног, мир разом померк. Но за моей спиной, метрах в пяти, стоял Сергей. Поэтому я собрала все силы и подошла к нему с улыбкой:

– Все хорошо, это полипы. Осенью тебя долечат, и ты окончательно поправишься.

Я не знала, что делать. Я гнала мысли о худшем. Однако, глядя правде в глаза, нужно было признать: когда он пришел домой, его состояние было намного хуже, чем до больницы. Он сильно похудел, боли усиливались.

Наступило лето. Оно уже не радовало, мы никуда не ездили. Два раза выезжали за город, но ему было плохо – приходилось возвращаться назад. Мы ждали осени.

8 сентября Сережу положили на терапию в ту же больницу. На следующий день сделали назначенный рентген, после чего Сережу перевели в хирургическое отделение, а меня вызвали к врачу.

К доктору я приехала с сыном. Мы сидели в кабинете заведующего отделением, он посмотрел на меня и спросил:

– Вы догадываетесь, что с вашим мужем? Вы хотя бы что-то знаете о его состоянии?

Да, я знала, что у Сергея рак. Диагноз подтвердился, но

какая это стадия и чего ждать, доктор мог сказать только после операции. И опять, идя к Сергею, я улыбалась и говорила, что все хорошо, ничего страшного, мы вместе.

Операцию назначили на 17 сентября, через два дня у меня был день рождения. Я плакала, не могла поверить, что у моего Сережи рак.... Нет, все будет хорошо, я знала, я верила – все будет хорошо.

Это страшное чувство, когда все внутри разрывается, хочется рвать на себе волосы, кричать. Но выхода нет.

Я приходила к нему каждый день – нам было о чем поговорить, мы любили просто быть вместе. Лечащий врач нам нравился. Он был Сережиного возраста, очень приятный и внимательный.

В день операции я приехала к часу дня: операция была назначена на утро. Когда я вошла в палату, мне сказали, что его только что увезли. Минут десять назад. Время шло медленно, мне было страшно и беспокойно. Я сидела в холле, сами собой текли слезы.

Больные подходили ко мне, успокаивали, рассказывали разные истории, очень хорошо отзывались о хирургах. Эти милые люди поддерживали меня. Мне очень помогло, что они были рядом. Спасибо вам, дорогие.

Я пошла в церковь, которая находилась напротив больницы. Вошла, помолилась, поставила свечку. Слезы застилали мои глаза. Выходя из церкви, я купила Сереже крестик. Маленький, золотой на кожаной веревочке. Мне очень хоте-

лось, чтобы он чувствовал, что я все время рядом. Я знала, что он будет в реанимации и меня к нему не пустят, цветы туда тоже нельзя, а крестик ему обязательно передадут. После наркоза он его увидит, и ему станет чуть-чуть легче, спокойнее.

Мне говорили, что такие операции длятся долго. Но прошло всего два часа, и наш доктор позвал меня в кабинет заведующего. Все внутри у меня оборвалось, я чувствовала, что сейчас я услышу что-то самое страшное в своей жизни... Доктор спокойным, мягким голосом начал беседу:

– Я должен сказать вам правду.

Ему было тяжело, он не мог смотреть мне в глаза.

– Да, доктор, только правду, – ответила я.

Правда была столь ужасна, что все перевернулось. Мне казалось, я сойду с ума.

Рак, четвертая стадия, неоперабелен. Поздно.

Если бы слезы и крик могли что-то изменить! Я плакала, я не хотела верить:

– Я его люблю, все, что угодно, но только не это, не с ним, нет, нет.

Доктор, мой милый доктор, я и сейчас слышу ваши слова:

– Поплачь, девочка, только здесь и сейчас, а потом ты не имеешь права.

И я плакала, плакала, рыдала.

– Сколько он будет жить?

– Очень мало, от нескольких недель до полугода.

Боже, как это страшно, какая-то нечеловеческая боль, будто изнутри разрывает тебя на части, и от нее нет избавления. Хочется орать, кататься по полу, биться головой об стену, а жить не хочется. Человек, которого любишь, умирает, а ты ничего не можешь сделать.

Во мне все перевернулось. Я не могу его потерять, я его люблю, он – моя жизнь. Это самый лучший, самый удивительный человек. Я не могла поверить, что теряю его. Боль пронзила меня. Доктор вышел, я осталась одна, у меня было время хотя бы немножко собраться. Доктор сказал, что я сама надену ему крестик. Но я должна успокоиться. Мы решили ничего не говорить Сереже. Я знала, что мой любимый, дорогой человек не готов сейчас воспринять такую страшную информацию. Он должен восстанавливаться с мыслью о том, что все будет хорошо. А я буду бороться за него. У нас действительно все будет хорошо. Сейчас не время знать ему об испытании, уготовленном судьбой...

Вошел доктор. Его голос вернул меня на землю:

– Пойдем, но ты должна держаться.

Я пообещала.

– Сережа сейчас спит.

Мы вошли в палату интенсивной терапии. Мой родной – боже, как я люблю его – спал. Я подошла, стала его целовать, говорить ему шепотом слова любви. Я услышала его голос:

– Мне больно, где я, где?

Я погладила его, стала успокаивать: все хорошо, теперь

все хорошо. Слезы текли у меня по щекам, я целовала его. Доктор помог надеть ему крестик. Я вышла из палаты, силы окончательно покинули меня. В холле я увидела двух Сережиных друзей. Они подошли ко мне и сказали, что все знают. Ребята поддерживали меня, как могли. Доктор попросил их не оставлять меня, довезти до дома, затем обратился ко мне:

– Приходи завтра, ты нужна ему, но необходимо держать себя в руках.

– Я буду держаться, буду.

Ребята повезли меня в кафе, я плакала. Мы долго разговаривали. Нам не хотелось верить в смертный приговор, правда была слишком жестокой. Мы надеялись, что наш Сережа будет жить. Он любит жить и должен жить. Другого и быть не может. Боль душила меня, но я знала, что завтра должна быть сильной.

К нему я пришла с утра. Он не спал. Я принесла ему корзину роз. 33 бордовые розы. Очень красивые. Я так хотела, чтобы ему было хорошо! Он должен быть счастливым и чувствовать себя нужным и любимым.

– Зачем ты тратишь деньги, дурочка?

Но ему было очень приятно, глаза улыбались. Мы поздоровались. Я его поцеловала.

– Как дела, мой хороший?

Он начал с вопроса:

– Что это за крестик?

Я улыбалась.

– Ты знаешь, я чувствовал, что ты рядом. Я не видел и не слышал тебя, но я ощущал твой запах, и твои слезы текли по моей щеке. Хорошая моя, ты плакала... Утром, когда проснулся – на моей шее веревка, смотрю – крестик, значит, ты была рядом. Ведь только ты могла его мне надеть.

Он был счастлив и доволен. Я говорила, что операция прошла успешно, теперь долгий период восстановления – и все у нас будет хорошо. У него все болело. Тяжело было даже сходить в туалет. Я старалась ему помочь: поднять кровать, как ему удобно, укрыть, дать попить... Когда я выходила из палаты, то слезы душили меня, я бежала к девочкам-медсестрам и просила успокоительного. Наступил вечер, я уходила домой, поцеловала его. Он сказал:

– Завтра у тебя день рождения.

– Да, я приду к тебе, и мы будем вместе.

Утром я надела желтый костюм, который очень ему нравился, привела себя в порядок и пошла к нему. Он ждал меня, поздравил, поцеловал.

– Хоть бы конфетку принесла.

Я побежала к доктору, спросила, можно ли ему конфеты. Доктор ответил: «Да, сосульки». Я пообещала принести завтра.

– А я знал, что ты наденешь этот костюм. – Он улыбался.

Время текло незаметно. Нам было так хорошо вместе, мы болтали, разгадывали кроссворды, он отдыхал, а я рядом наслаждалась его присутствием. Мы были вместе, и ничего не

могло нам помешать. Вынося за ним судно, идя по длинному больничному коридору, я думала: «О боже, какая я счастливая, да, счастливая, я любима, я люблю, могу быть рядом со своим любимым и быть ему необходимой, как воздух».

Он все повторял:

– Иди, иди домой, к тебе гости придут.

– Сережа, я никого не приглашала, я буду с тобой, мне хорошо.

Уходила я от него поздно, в восьмом часу. Впервые за много дней я не плакала – мне было очень хорошо. Мы так замечательно провели этот день вместе, и я была счастлива. Приехав домой, обнаружила сюрприз. Наши друзья накрыли стол и ждали меня – пришли поздравить и поддержать. Мои добрые, милые, дорогие. Они дарили мне подарки, поздравляли меня, и каждый из них старался меня поддержать

Сережа на 25-летие подарил мне букет из 25 алых роз. Год спустя друзья подарили букет из 27 алых роз. Эти розы я буду помнить всегда – розы дружбы, уважения и любви. Мне было хорошо среди друзей, лишь то, что Сережи не было рядом, тяготило и угнетало меня. Мысль, что ему осталось жить всего чуть-чуть, неотступно сидела в моей голове.

Нет, мой Сережа будет жить. Я готова была бороться за него, искала необходимую литературу, чтобы найти ту соломинку, за которую можно было бы уцепиться. А рядом со мной были его друзья и врачи – я верила им и верила в них.

Мне подарили деньги, а я знала Сережину заветную дет-

скую мечту. Утром я поехала в магазин и купила ему бинокль, который мы выбрали вместе с его институтскими друзьями. Его упаковали в блестящую бумагу, завязали красивый бантик.

Когда мы вошли, он сразу похвалился, что утром доктор дал ему конфетку. Пройдя в палату, я положила на кровать коробку и сказала:

– Это тебе.

– Что же ты опять тратишь деньги... – он ворчал, но мило, по-доброму.

Когда открыл коробку, ему было так приятно – я видела, как на глаза навернулись слезинки. Он отвернулся на секундочку, а потом позвал меня к себе:

– Наклонись.

Я наклонилась.

– Ты лучшая в мире женщина. Я люблю тебя. Спасибо, родная.

Сердце мое сжалось. Слезы душили меня. «Я не могу его потерять», – стучало у меня в голове.

Сережа не был бы самим собой, если бы тотчас не начал шутить: дескать, бинокль я купила не тот, надо было морской... А я радовалась, что он прикалывается: говори, говори что угодно, только говори, мой родной.

Дни шли своим чередом, по-прежнему мы много времени проводили вместе. Сережа стал потихоньку вставать. Шов медленно зарастал. Я постоянно подходила с вопросами к

доктору: что ни прочитаю, что ни услышу – бегу к нему за консультацией. Он меня всегда выслушает, всегда поддержит, а я так нуждалась в этой поддержке.

Сережину операцию показывали по телевизору – я случайно увидела и подсознательно поняла, что несколько врачей действительно колдуют над ним, моим Сережей. Когда дело подошло к выписке, хирурги пообещали, что будут рядом. Они сдержали свое слово.

Мы выписались, мы снова дома. Начались тяжелые дни. У Сережи боли. Маленький ребенок. Дочка-школьница. Обратились к народной медицине, стали лечиться по системе Шевченко. Держались на таблетках спазмалгона. Доктора приезжали, осматривали и успокаивали его: сейчас будет тяжелый этап, этап восстановления, но надо бороться.

Мы решили крестить детей, причастить Сережу и освятить квартиру. Батюшка приехал к нам домой, долго общался с Сережей. Крестины были замечательные, крестными были наши друзья. Вскоре мы уже собирались справлять день рождения сына – ему исполнялся ровно один год.

Священники говорили: надо сказать ему правду, нельзя на себя брать этот грех. К нам приехала Сережина подруга:

– Он должен знать.

– Но как найти слова?

– Ты должна! А он должен бороться, зная, за что сражается сам с собой.

Состояние Сережи ухудшилось. Были приступы и очень

страшная ночь – тогда он впервые не смог сдержаться, так его ломало и мучило. Ночь боли, ночь, когда, оставшись один на один с его болезнью, я впервые ощутила рядом дыхание смерти. Она медленно дотрагивалась до нас, она не кралась, она неумолимо надвигалась.

Несмотря на испуг, страх, я не имела права уступать. Я вступила в борьбу, и назад дороги не было. Но как бороться, когда мир перевернулся? У меня было чувство опустошения, а в голове непрерывно стучал только один вопрос: как же правильно поступить? Душу тисками сдавила боль, против которой не существовало лекарств. Цепenea от ужаса, охватывающего все мое существо, задыхаясь от боли и чувства беспомощности, я искала правильное решение.

– Я обниму тебя, буду держать крепко-крепко.

– Я не отдам тебя никому.

– Обними меня, держись за меня – мы вместе, и ничто не может нас разлучить.

Наша сила – только в нас самих, и это холодное, мертвящее прикосновение, делающее больно, ничего не сможет сделать с нашей любовью. Объятия двух любящих людей – это мощь, которая превращает нас в единое, неделимое целое – монолит Любви.

Начались новые приступы. Я испугалась, позвонила доктору:

– Надо ему сказать, что у него был рак, но его вырезали, и теперь все хорошо, главное – бороться.

Врач одобрил, сказал, что человек должен знать правду.

Я позвонила его маме:

– Мама, родная, я должна сказать вам правду: у Сережи рак... Я не говорила раньше, я думала, что все обойдется... Мама, я прошу вас, держитесь!..

Этот диалог мне больно вспоминать. Я плакала, она тоже. Это была наша беда, наше общее горе. Беда двух женщин – матери и жены.

Я спросила маму о том, что нужно ему сказать.

– Не говори, он что-нибудь сделает с собой.

– Мама, я скажу полуправду, что опухоль удалили и теперь все позади.

– Делай, как считаешь нужным.

Спасибо тебе, моя родная, за то, что поверила и поддерживала меня. Я позвонила Сережиным друзьям. Они сказали, что приедут вечером.

Надо было найти такие слова, чтобы он поверил, что все плохое позади. Он видел мои заплаканные глаза, и у него стали появляться мысли, что он мне мешает, что мне плохо. Я должна была переубедить его, встряхнуть, заставить бороться. Но моих сил уже не хватало...

Я вошла к нему в комнату. Он лежал на диване в полумраке, горел только маленький светильник. Я села на диван, взяла его руки, прижала к своей груди.

– Сережа, мне надо с тобой поговорить.

– Что случилось, ты меня пугаешь.

– Сережа, я должна сказать тебе правду.... Когда ты видишь меня заплаканную или раздраженную – это не оттого, что я устала от тебя, нет. Наоборот, я люблю тебя еще сильнее, чем прежде.... У тебя была злокачественная опухоль, ее вовремя вырезали.... Сейчас все хорошо, но теперь ты должен помочь мне бороться, будет очень тяжело. Поверь, я все знала с самого начала. Мне было очень нелегко, может быть, даже тяжелее, чем тебе. Ты должен мне помочь и сейчас не можешь меня предать. Я боролась и борюсь за тебя. Ты знаешь, что ты излечен, что я рядом и буду рядом всегда, соберись теперь! Жизнь началась сначала...

Он прижал меня к себе, я плакала.

– Дурочка, ну что же ты плачешь, ведь теперь все хорошо.

Я видела его глаза, он все понял и оценил. Он смотрел на меня другими глазами, теперь для него все встало на свои места. Он гладил меня по голове и повторял:

– Ну все, все, хорошая моя.

Он держался, хотя внутри все клокотало. Ему было больно, но, глядя на меня, он знал, что мне было еще больнее. Он понимал, что жизнь продолжается, что он будет бороться, потому что у него есть я, его дети. И мы – вместе.

Приехали наши близкие друзья, и этот вечер мы провели как и раньше: шутили, смеялись. Но я понимала, как дорого доставалось Сереже это веселье. В нем шла борьба – его личная, известная только ему одному. Сергей держался, но я чувствовала, что он на грани. Он уходил в себя, у него начи-

налась депрессия. Я разговаривала с ним, мы возвращались к теме болезни, и нам становилось немного легче, ведь все недомолвки ушли. Он верил в меня, всем говорил: «Она все знает, она меня вытащит».

Мы готовились справлять день рождения сына, ждали гостей. Утром 9 октября Сережа сам подстриг своего сына «под ноль». Для меня начиналось испытание праздником: веселье – это то, что было самым невозможным в данной ситуации, но оно же было и самым необходимым. Сережа должен был видеть, как его любят. Я очень хотела, чтобы праздник получился, чтобы ему было хорошо, чтобы он видел, что у него есть настоящие друзья.

Постепенно подходили ребята, пришли и наши доктора. Компания получилась пестрая, человек тридцать, но казалось, что мы так собираемся уже не в первый раз.

Сережа немного выпил, его нервы были на пределе. Тут позвонила родственница из Москвы, он ушел в дальнюю комнату и долго с ней разговаривал. Я вошла к нему, в его глазах были слезы. Он закончил разговор. Мы молча сидели и плакали.... Когда мы вернулись к гостям, он успокоился. Ему очень понравился первый день рождения сына, он был счастлив.

Решения приходили сами собой. Еще в больнице пришла мысль съездить к Сереже домой. Я готовила его к этому. Говорила, что не отдохали летом, неплохо было бы съездить на каникулы, но делала это осторожно. К тому же навалилось

много дел по оформлению бумаг, связанных с тем, что он был одним из ликвидаторов чернобыльской аварии.

В нашей стране, чтобы что-нибудь доказать, иногда приходится свернуть бумажные горы. Дел было очень много: оформление инвалидности, пенсии, жилищные вопросы. Но все это было нужно, чтобы Сергей хотел жить и чувствовать себя необходимым в этой жизни. Он оставался мужчиной, способным обеспечить свою семью.

Лекарства переставали помогать, надо было пробовать другие – что угодно, но только не наркотики. Пришло время переходить от таблеток к уколам: они и действовали быстрее, и не так раздражали его желудок. Как же тяжело было сделать этот первый укол, как тряслись руки и обрывалось сердце. Но я преодолела себя, потому что знала – это поможет ему, это облегчение для любимого и родного мне человека. Мы сдавали анализы крови, и они давали надежду. Сколько бессонных ночей я провела, напряженно думая, чем же еще я могу помочь ему. Надо было держаться и не сбиваться с выбранного пути.

Наша любовь кричала от боли. Но он верил в меня. Верил и хотел жить, жить со мной и своими детьми. Боже, сколько нежности и любви было в его глазах, а его руки говорили больше всяких слов.

Перед поездкой мы решили сделать Сереже переливание крови. У нас с ним была одна группа и один резус. Я очень хотела, чтобы именно мою кровь влили Сереже. Я верила,

что это поможет. Мои милые доктора пошли нам навстречу.

Мы приехали в больницу рано утром в субботу. Меня напоили сладким чаем и повели в операционную, а Сереже поставили капельницу.

Две медсестры стали колдовать надо мной. Вены оказались очень плохими, и кровь просто не шла. Сначала кололи в левую руку, но безрезультатно. Перешли на правую – и тоже ничего. Я заволновалась, ведь частичка меня просто обязана быть с ним и бороться с его недугом изнутри. Пришла еще одна медсестра и сразу же в левой руке нашла венку – кровь пошла! Я на самом деле была счастлива, ведь эта кровь так ему нужна!

Доктор очень переживал за нас обоих, а Сережа волновался за меня. Мне завязали руки бинтами, помогли дойти до ординаторской. Все прошло хорошо.

Когда мы приехали домой, Сережа помог мне снять свитер:

– Милая моя, хорошая, боже, да что же это. – Он был поражен, шокирован. Он целовал меня – сколько тепла чувствовалось в его прикосновениях, в его словах, голосе.

Я же была рада оттого, что все получилось, что моя кровь хоть немножко его поддержит, что ему будет лучше, а самое главное – он знает: что бы ни случилось – я буду рядом.

Подходило время каникул, мы готовились к поездке. Я твердо знала: ехать надо, несмотря ни на что. К счастью, Сережины друзья помогли решить все проблемы, в первую оче-

редь финансовые.

К врачам потом, а сейчас домой: родной воздух, мать, дом – все это поможет. Мы ехали всей семьей: дочь, сын, собака и мы. Машину вел Сергей, но ему становилось все хуже и хуже.

Мы решили ехать через Москву, остановиться на ночь у Сережиной тети. В Москве у Сережи начался страшный приступ.

– Наташа, сделай что-нибудь, мне больно.

Я была в растерянности: что я могла сделать, чтобы облегчить его страдания? Мы пошли с ним гулять в три часа ночи, но ему было тяжело, как лежать, так и идти. Нет спасения – одна лишь боль, сильная, невыносимая, всепоглощающая боль. Я разговаривала с ним, целовала, держала его за руку.

– Пойдем, пойдем домой. Давай попробуем промыть все внутри: попей воды и постарайся, чтобы тебя вырвало...

Сделав все процедуры, он заснул. А я молилась Богу, чтобы он мне помог. Я радовалась, что Сережа уснул, я боялась пошевелиться, я берегла его сон. Сон, который так тяжело достался...

Утром опять дорога. И он за рулем. Это чувство, которое я испытывала во время дороги, очень мне дорого. Я наслаждалась, глядя на него. Какой у меня замечательный муж, как приятно быть всей семьей в машине, как в маленьком домике. И ехать. Мне хотелось кричать и плакать от счастья, когда детки спали на заднем сиденье, а собака гордо восседала

впереди. Это моя семья, и я чувствовала себя самой счастливой женщиной.

Мы остановились заправиться, решили перекусить... Как приятно ощущать себя женщиной, которая едет с любимым человеком и детьми. И эта маленькая остановка дает тебе возможность ухаживать за ними, у тебя все под рукой: и бутерброды, и бульон, и как все это восхитительно вкусно. Ему хорошо, потому что ты рядом, и ты это чувствуешь. Мне нравилось его кормить, когда мы не останавливались, что-то было в этом особенное. Может быть, в этом и заключается высшее блаженство – быть вместе с любимым человеком и получать удовольствие от всего, что вас объединяет.

Мы ехали быстро. Сергей не заметил сотрудников ГАИ, которые нас останавливали, их автобус стоял на другой стороне дороги. На КПП нас остановили. Сергей взял документы, ушел, вдруг бежит обратно:

– Наташка, пошли, меня обвиняют в том, что я не только нарушил правила, но и не подчинился ГАИ. Говорят, что дело штрафом не обойдется, чего-то про статью несут. Я им сказал, что ты у меня адвокат. Пошли, ты им все скажешь.

Я видела, как он в меня верит. Идти туда не было смысла, я это знала, но он-то верил, что я и эту ситуацию разрешу. И я пошла. Разговаривали грубо, ничего не доказать. Человек, у которого в руках власть, уперся. Один из гаишников вышел, я тоже вышла вслед за ним:

– Послушай, прекратите все это... Понимаешь, у него рак

четвертой стадии, ему неизвестно, сколько осталось, он после операции. Я его к матери, к друзьям везу. Он не знает. Помогите, оштрафуйте его и отпустите. Я очень прошу, не надо его нервировать

Он попросил меня пройти в машину:

– Я все понял.

Через некоторое время пришел Сережа:

– Ну вот, все хорошо, документы отдали, протокол уничтожили. Знаешь, самое главное, что все хорошо, а деньги – ерунда, ты же знаешь. Тем более, что дорожные издержки мы предусмотрели.

И опять нам было очень хорошо, мы смеялись.

Домой мы приехали вечером. Сережа очень устал, дети тоже. Мама переживала, но держалась – она умная и сильная женщина. Поговорить нам с ней наедине удавалось нечасто. Сереже было все хуже, уколы не помогали. Он обзвонил друзей. Мы встречались, общались; когда мне удавалось оставаться с ними наедине, я рассказывала его друзьям правду. И они, зная ее, тоже верили, что все будет хорошо. Ему же они говорили: «Все будет нормально, восстановишься». Они тоже верили в меня. Спасибо вам за вашу веру и за вашу поддержку.

Необходимые документы еще не были готовы, возникли трудности. Мне пришлось собираться в Киев. Сережа очень волновался за меня, а я, в свою очередь, переживала, как он целые сутки проживет без меня. В день отъезда он сказал:

– Я знаю, что ты возьмешь эту справку.

Теперь я не имела права ее не получить, хотя это было сложно. Я уехала вся на нервах, не спала целую ночь, повторяя, как заклинание: «Мне надо, чтобы у меня все получилось».

Он ждал меня с положительным результатом, и я получила эту бумажку с печатью. Я ехала домой, мечтая увидеть его глаза, излучающие радость. И вот я подъезжаю, выхожу, и... Ноги не могут идти: он не встречает меня, встречает его отец. Сердце оборвалось:

– Что с ним, что случилось?

– Да нет, все хорошо, просто он спал, я не стал его будить.

– Слава богу, я чуть с ума не сошла.

Я торопилась, я хотела прижаться к нему, я соскучилась. Но это так странно: он не мог уснуть, не встретив меня. Эта мысль не покидала меня. Подходя к дому, мы увидели свет в окнах. Папа открыл дверь, и я сразу увидела глаза – глаза моего единственного, родного человека. Он переживал, что не встретил меня, нервничал. Я обняла его:

– Ну все, все хорошо, ведь я же дома.

А произошло вот что. Папа ушел меня встречать пораньше и закрыл дверь на ключ. Сережа поставил будильник на более позднее время. Встал, оделся, а выйти из дома не смог. Разнервничался. Мама рассказывала, что он сильно ругался.

Но все было хорошо, ведь мы опять были вместе. Он хвалил меня:

– Я знал, что ты добьешься этой справки, если не ты, то никто бы не смог.

– Спасибо тебе за твою веру, мой родной.

Я много читала об этой болезни. Холод – враг рака. Дома мы иногда обливали Сережу холодной водой из таза. Я уговаривала его нырять в прорубь, стать моржами. И вот уговорила. Мы поехали искать, где можно нырнуть. Было очень холодно, пошел снег. Нашли. По очереди нырнули. Это было так здорово, но очень холодно. Приехав домой, он залез под три одеяла и лежал там почти весь день.

– Ну и дура же ты у меня! Мама, эта дура меня чуть не заморозила!

Но я только улыбалась: сколько тепла и любви было в его словах! Это нырянье в прорубь стало еще одним совместным шагом в борьбе против болезни.

Подошло время уезжать. Дорога домой была тяжелой, но нам по-прежнему было очень хорошо вместе. Когда мы приехали, на автоответчике было много звонков: нас ждали, за нас беспокоились. И это было очень приятно.

Начался следующий этап нашей жизни. Сережке было все хуже, боли не давали ему возможности отдохнуть хотя бы чуть-чуть. Я поехала в онкологический центр. Доктор посмотрел выписки из истории болезни и спросил: «Что вы хотите?» Я еще что-то говорила, но уже все поняла: он ничем не мог нам помочь. Лишь медсестра протянула мне пачку снотворного для Сережи...

Дома я сказала Сереже, что все идет так, как и должно быть, ведь операция была сложной. Я сделала ему новый укол – и наконец наступило долгожданное облегчение: около четырех часов у Сережи не было болей. После этого он всем рассказывал об уколе-чуде и том, какая я у него молодец. Теперь это лекарство всегда было дома, несмотря ни на какие трудности. Но организм привыкал, уколы приходилось делать все чаще. Я ловила его взгляд, в котором нарастало беспокойство.

Теперь я вставала ночью, как только он зашевелится, сразу бежала к нему и делала укол. Он был очень сильным человеком. Зная, что я устаю, он сам делал себе инъекции, чтобы меня не будить. Я вскакиваю, прибегаю, а он говорит: «Спи малыш, я уже сделал, отдохни». Он продолжал заботиться обо мне, как только мог.

Мы продолжали ходить в бассейн по два, а то и по три раза в неделю. Однако организм постепенно ослабевал. Мы подумывали о том, чтобы еще раз лечь в больницу, прокапать лекарства, поддержать организм, сделать переливание. 2 декабря, в среду, Сережа проплыл совсем немножко, сказал, что ему плохо. В четверг стало еще хуже. В пятницу утром мы стали собираться в больницу. Сережа не мог двигаться, у него все болело. Я помогла ему одеться. Когда я его одевала, собака завывала. Спускался он сам, но медленно. Потихоньку сел в машину...

Когда я везла его в больницу, то была уверена, что это

на недельку, не больше. Пока в приемном покое оформляли документы, ему стало еще хуже. Сережу посадили на кресло-каталку и повезли в отделение. Я на другом лифте поднялась на пятый этаж. Вторая хирургия, палата № 2. Я уложила его, разложила вещи. Мы по-прежнему были вместе.

Сереже было тяжело говорить, иногда с трудом удавалось различать отдельные слова. Я уехала домой, где мама сидела с детьми. Собрав вещи, которые он попросил привезти, опять вернулась в больницу. Сергей спал.

Уколы не помогали, боли не проходили. Он волновался. Вечером к Сереже приехали друзья. Я снова верила, что все будет хорошо. На ночь меня отправили домой. «Отдохни, завтра останешься», – сказал доктор. Дома мы с подругами смотрели свадебную кассету и плакали. Девчонки пили самогонку, я выпила настойку Сережиной мамы, но так и не сомкнула глаз.

Утром я приехала к нему. Купила корзинку с розами и какие-то белые, но очень красивые цветочки. Он ругался:

– Ну вот, еще хотел тебе сказать, чтоб ты не тратилась, дуручка, а ты опять веник приволокла.

Но я то понимала, что для него очень важно: знать, что он самый любимый. Вечером я попросила его друзей помочь мне реализовать еще одну его мечту – купить двенадцати-струнную гитару.

Гитара была очень красивая, еще мы купили струны и голубой бантик. Я поехала к нему.

– Это тебе, мой родной, – я развернула гитару. Он сидел на кровати, ему было очень тяжело, но рука слабо перебирала струны.

– Дурочка моя, но зачем? Мне сейчас не до гитары...

– Ничего, будет лучше – будешь играть и петь для меня.

Я люблю тебя.

Я целовала его, гладила, успокаивала. Чувствовал он себя плохо, но в его глазах была радость.

В пятницу я рыдала, не могла удержаться. Он большую часть времени спал. Когда он открыл глаза, первым делом спросил:

– А где Наташка, вы ее положили спать? Ей надо отдохнуть...

Несмотря на свои боли, он думал обо мне. Его беспокоило, как я. Я заходила в палату, смотрела, как он спал. Сидела к нему, целовала, гладила, шептала, как я его люблю. Так прошла еще одна ночь. Утром я поехала домой.

Наступило воскресенье. После обеда я приехала к Сереже, вечером подошла к врачу, спросила, как у нас дела. Доктор сказал, что сегодня все будет нормально. Однако стало еще хуже. Всех попросили уйти, я осталась рядом. Сережа заснул после укола, но началась рвота, говорить он стал совсем непонятно, все внутри хрипело. Я помогала ему, чем могла, побежала к доктору:

– Что делать?

Но нельзя было сделать ничего. Сергей попросил меня

сделать наш укол, «домашний»:

– А то, что они делают, мне не помогает.

Я сделала укол. Ему стало легче, потому что он очень верил. Пришла доктор, посмотрела:

– Сейчас ему сделают укол. Он умирает. Ты посиди рядом тихонечко.

Я плакала.

Минут через тридцать он проснулся, начал раздеваться. Я его одела. Он сказал:

– Пойдем домой.

– Пойдем, мой хороший, но утром, а то мы ребят подведем.

Шатаясь, он шел по коридору. Мы пришли к комнате сестры-хозяйки, там были его куртка и кроссовки. Он стал ломать дверь.

– Милый мой, хороший, не надо, ребятам попадет.

Я обнимала его, и вдруг он повернулся ко мне, в его глазах был зов, он смотрел на меня и искал поддержки. Он уходил от меня. Я закричала, обнимала его. Он обмяк на мне. Я говорила ему о том, как его люблю, о том, что все будет хорошо.

– Держись, все пройдет. Мы вместе, ты и я.

Я дотасила его до каталки. Подошли девочки-медсестры. Я целовала его руки:

– Не подходите. Ты должен бороться. Я люблю тебя, я без тебя не могу!

Я кричала, плакала, держала его изо всех сил. Я не могла его отпустить.

– Ты мне нужен, нужен. Я не могу без тебя. Я люблю тебя.

Он держал меня за руки. Сказал тихо, но понятно:

– Я обещаю, обещаю.

– Тогда обними меня за шею, мы пойдем в палату, ты ляжешь, поспишь, а утром все будет хорошо.

Он встал, мы пошли в палату, я уложила его, сделала «наш» укол. Он погладил меня по лицу, держал за руку. Он очень любил меня. Потом Сережа заснул. Весь этот вечер его сильно рвало, и он вскакивал. Мы все время ходили по коридору. После четырех ночи он немного успокоился. Я была рядом, наслаждалась каждым мгновением, проведенным вместе. Я очень боялась наступающего утра: мне говорили, что раковые больные чаще всего умирают в 5–6 утра. Я сидела рядом. Он просил лечь к нему, я была с ним. Боже, какое это счастье, родной мой, быть рядом с тобой, трогать тебя, чувствовать твой запах, любить и быть рядом.

Время шло: пять утра, шесть, семь... Мы пережили эту ночь, и это тоже было счастьем. Я гордо объявила Сережиному другу по телефону: «Ночь мы пережили». Доктору я тоже сказала, что мы выжили. Врач посмотрела на меня и сказала:

– Так больше не будет.

Тогда я еще не понимала страшного смысла ее слов. Он улыбался, лежал такой счастливый. Мне надо было уйти до

вечера. Я постелила ему чистое белье. Он лег, я надела ему наушники, он слушал музыку. Сергею подключили кислород: было тяжело дышать. А он весь просто светился, был такой веселый. Я его спросила:

– Ты уверен, что справишься без меня? Может, мне не уходить?

– Я не справлюсь, но ты должна идти, надо делать дела. Только ты можешь их сделать.

– Я приду в 16.00.

– Нет, приходи в пять.

– Ладно, я сама решу.

Он улыбался, гладил меня по лицу, держал за руку. Нам было очень хорошо, мы были единым целым, и нас нельзя было разделить. Я собралась идти. Он шутил: давал мне попробовать кислородную трубку, потом сказал:

– У тебя есть жвачка?

Я ответила что есть.

– Ну, тогда пожуй. – Он смеялся, в его удивительных глазах было столько жизни и веселья!

– Я люблю тебя, я пошла. – Уходить было тяжело. Я боялась уходить.

Выйдя из палаты, я посмотрела через стекло. Он лежал счастливый и спокойный. Где-то мелькнула мысль, что больше я его не увижу живым, но я прогнала ее от себя. Мой Сережа не мог умереть. Мы пережили страшную ночь, и теперь все должно быть хорошо.

Я попросила Сережиного друга приехать за мной: я очень устала и не хотела садиться за руль. Думала, что съезжу по делам и посплю. Но закрутилась, уже подходило время ехать в больницу. Я заскочила домой взять Сереже подушку и спирт для уколов.

Почему-то очень болело сердце. Домой я приехала в 15.40. Поднялась на седьмой этаж. Моя мама открыла дверь в слезах:

– Сережа умер.

– Когда? – я бросилась к телефону, трубка висела. Голос из трубки знакомый, но я его не узнала, поняла только, что женский.

Я бежала вниз и не плакала – что-то оборвалось. Внизу я просто завывала, заорала. Сережа умер!!!

Игорь ждал меня, без слов залез в машину, и мы понеслись в больницу. Я плакала, выла, орала. Что он пережил, бедный. Ему досталось. Я боялась, что сойду с ума. Сережа умер без меня, я никогда не прощу себе, что уехала!

Ехали тяжело. Пробка. Но Игорь молодец, делал все возможное. Еще днем, когда мы ездили по делам, я сказала ему, что когда приеду, то совру Сережке, будто бы через две недели он получит квартиру, но я не успела, а я так рассчитывала, что это вернет его к жизни. Все рухнуло. Я не могла, сердце разрывалось, мозг плавился.

Я выскочила из машины, спотыкаясь, побежала на пятый этаж. В коридоре сидели люди, кто-то из ребят хотел меня

остановить, но я не видела никого и ничего. К нему, моему родному, единственному. Я боялась, что его увезут без меня.

Влетела в палату, сдернула одеяло, и то, что я увидела, окончательно сразило меня: он лежал счастливый и спокойный. Я опустилась перед ним на колени, целовала его всего, его руки, шептала ему слова любви. Я знаю, что он слышал меня, он был со мной. То чувство, что я переживала, невозможно описать словами: это дикая боль, которая пронзила насквозь и держит в своих тисках и твое сознание, и твою душу. Я была зверем, раненным насмерть, который видит, как на его глазах убили и рвут его любовь, его половину, он бьется, воеет, изнемогает от боли, но ничего не может сделать... Что-то похожее, наверное, происходило и со мной. Я хотела умереть, боль убивала. Я просто тупо смотрела, как будто это не я, а кто-то другой наблюдает за нами со стороны.

Разум отказывался верить в то, что самое страшное все-таки произошло. Я разговаривала с ним, мне казалось, что он слышит меня, а глаза видят меня. Он здесь со мной, но я уже никогда не услышу его голоса. Он ушел от меня. Я здесь осталась совсем одна. Вот так, стоя перед ним на коленях и держа его за руку, ладонь к ладони, я понимала, что вместе с ним уходило настоящее женское счастье. Счастье женщины, которая была любима любимым. Я для него была всем, никто и ничто не могло в его жизни заменить меня. Он гордился и восхищался мной. Я была для него идеалом женщины, любовницы, жены, матери его детей, деловой женщи-

ны, человеком. Он любил меня. Его вера в меня стала моей путеводной звездой.

В эту минуту я понимала, что из счастливейших женщин на свете я становлюсь одинокой, побитой женщиной со сломанной судьбой. Где взять силы? Как подняться? Радость моя, помоги мне, не оставляй меня в этом кошмаре. Я не могу, не могу вот так остаться здесь без твоего тепла. Жизнь остановилась в тот миг. Он был – и все было, его не стало – и вся жизнь ушла вместе с ним.

Стоя на коленях, держа его за руку, я понимала свою беспомощность. Я не знаю, как можно описать, что чувствуешь, но горе – это страшное, сильное чувство, какое-то безумие. Меня подняли за плечи, попросили выйти, я сняла с Сережи крестик, который мы вместе с доктором надевали ему, надела его на себя. Я целовала Сережу, не могла отойти от него...

Когда я снова пошла к палате, меня остановили. Там были доктор и медсестры. Я стояла в коридоре, как безумная, горе переполняло меня. Я не хотела жить, и не было сил терпеть это. Все разрушилось. Я не могу без него, это приговор. Адская боль, сжигала меня.

Сережу завернули в простыни и на каталке повезли в морг. Я шла за каталкой, и только одна мысль билась в голове: его уже никогда не будет со мной. Слезы застилали глаза.

Медсестра открыла морг, каталку поставили у дверей. Я держала его руки, пока она их завязывала. Мне дали несколько минут с ним попрощаться. Я целовала его, как безумная,

и что-то говорила ему – слова, которые, как мне казалось, еще не успела сказать.

Я плохо помню, как вышла из морга, но когда девочки-медсестры подняли меня, я то ли выла, то ли плакала. Они привели меня в больницу. Я вошла в его палату, легла на кровать. Хоть чуть-чуть поймать последний его запах. То тепло, которое осталось после него. Я не знала, что делать, я просто умерла вместе с ним. То, что осталось от меня – это только плоть, но меня не было так же, как и его.

Я вышла из палаты, мне что-то говорили. Рассказывали, как он умер. Я слушала.

Он умер на руках у друга. Он ждал меня, все время смотрел на часы и говорил: «Наташа приедет в пять». Я приехала в 16.10, но поздно. Он умер в 15.40. Друг помог ему дойти до туалета, они вернулись, Сережа сел на кровать – и его сердце остановилось. Сердце этого удивительного человека – неповторимого отца, любимого, родного, самого дорогого мне человека – остановилось. Его душа обрела покой, терзающая боль ушла. Ты успокоился, моя радость. Но это спокойствие убило меня, растерзало. Я не знала, как это пережить, что должно случиться, чтобы я смогла хоть немного вздохнуть.

За окном падал снег. На фоне желтого света от фонаря снег был какой-то тяжелый, грубый, неприятный. Он падал, а я молча смотрела. Тишина. Мне теперь будет легче жить, у меня был один ангел-хранитель, а теперь еще и Сережа бу-

дет со мной. Я буду очень счастлива: он теперь всегда будет рядом и будет со мной. Сережа ушел с таким покоем в душе. В этом было что-то удивительное.

Я тоже уходила из больницы очень спокойная, сама села за руль. Я не могла оставить здесь машину, почему-то не могла. Что-то заставило меня поступить именно так. Было много снега, машину очень бросало. Но ни разу не занесло. Я плакала, даже ведя машину. Как жить дальше? Все самое главное было в нем. Я жила ради него. Я люблю его. Дом – это он, дети – тоже он. Он во всем. Он – смысл жизни. Его болезнь – это все то, чем я жила последнее время.

И вот сейчас я проводила его. Я закрыла ему глаза, но он снова их открыл – наверное, хотел посмотреть на меня в последний раз. Смотри, мой родной, смотри на меня, мне так нужны твой взгляд и твоя любовь. Душа рвется.

Домой я приехала никакая. В доме были люди. Я взяла ту фотографию, которую Сережа сам вставил в рамочку, его часы, прижала к своей груди, легла на кровать и плакала. Потом заснула, проспала несколько часов. Плохо помню этот вечер. Тупая боль, перекручивавшая меня всю, мокрое от слез лицо. Нет никаких желаний, ничего нет. Только дикая боль.

Ребята – друзья, замечательные, удивительные, настоящие люди – взяли на себя всю организацию похорон. Они помогли мне, были рядом, они сделали все: их моральная и материальная помощь была искренней. Их горе было таким же

тяжелым и большим, их глаза переполнялись скорбью и болью. Я люблю вас всех, мои родные, за вашу любовь и преданность вашему другу, моему любимому человеку.

Я что-то делала, говорила, но все это было механически. Да если бы не друзья, наверное, и этого не смогла бы.

Мама Сережи и родственники приехали во вторник, на следующий день – 8 декабря. Эта была тяжелая встреча. Первыми из вагона вышли тетя с дочкой. Сережины мама, папа и сестра ехали в другом вагоне. О том, что вчера Сережа умер, пока знала только его тетя.

Я увидела глаза его мамы, она смотрела на меня:

– Как Сережа?

Сказать неправду нельзя, а правду – как? Но выбора нет, сейчас ей будет очень больно. Надо сказать: «Мамочка, милая, прости, прости за боль, которую я тебе доставляю». Мои уста открылись:

– Мама, Сережа вчера умер, – слыша свой голос, я сама хотела умереть. Опять боль. Слезы.

Мама, прости, не плачь. Ее крик, как лезвием, полоснул мне по сердцу. Боль матери – страшная боль.

Ребята договорились хоронить Сереженьку на очень хорошем кладбище. Мы ездили с ними, выбирали место. Они хотели, чтобы я это сделала. Я выбрала очень красивое, светлое место. Рядом – центральная аллея, церковь. Похороны были назначены на 10 декабря. Кладбище совсем недалеко от дома – на машине 15 минут. Это так хорошо, что мы с

ним рядом.

Был морозный день. Я приехала в морг, около гроба стояли люди, я почти не видела их, я смотрела на него. Он лежал такой красивый, спокойный, и казалось, вот-вот откроет глаза и встанет, скажет что-нибудь. Я подошла и рухнула на колени, целовала его. Я разговаривала с ним, текли слезы. В голове все кружилось, я никак не могла собраться, сходила с ума оттого, что вижу его в последний раз. Последний раз могу до него дотронуться. Я стояла и смотрела на него, хотя внутри все клокотало. Я не могла поверить в то, что произошло. Мне казалось, что так не может быть, все происходит не со мной.

Приехал автобус, в морг стали заходить люди. Я поднялась, встретила Сережину маму, подвела ее к гробу. Они прощались, ее боль еще больше сводила меня с ума. Мне хотелось что-то сделать, как-то помочь, но я ничего не могла. Во мне ничего не было, кроме дикой боли. Сил не было. Я плохо помню все, что было дальше. Все вышли, я осталась с ним.

Стояла рядом с гробом на коленях, целовала его, разговаривала с ним, молилась, просила Бога вернуть его. Я не могла вот так его взять и потерять. «Я так люблю тебя, родной, не уходи. Я не могу без тебя». В висках стучало. Я слышала, что приехал автобус, ребята пришли выносить гроб. Я не помню, как вышла оттуда. Друзья рассказывали, что я вышла с воем. Я выла, как зверь, упала, билась о землю. Говорят,

что зрелище было страшное. Я была не в себе. Все плакали. Сережа был замечательный друг, душа-человек. Все друзья пришли проститься с ним.

Я не заказывала Сереже венок, как всегда, принесла ему корзинку роз. 34 алых розы, красивых – для него, для самого замечательного и родного человека.

Все происходило, как во сне. Почему, почему? Он такой молодой, красивый, добрый, умный, человек так мало прожил, ушел из жизни в самом расцвете. Как могло так случиться? Ведь у него есть сын, дочь, я. Мы любим его до безумия, он так нам нужен. Господи, но почему? Но на эти вопросы ответов не было.

Сереженьку отпевали в церкви на Волковском кладбище – в маленькой, уютной церквушке. До могилы Сережу везли на катафалке. Мы с мамой шли рядом. Последний путь.

Батюшка освятил землю. Гражданскую панихиду открыла я. Я благодарил его за то счастье, которое он мне дал. Благодарил его мать за такого сына. Благодарил его за сына, который есть у нас, за его любовь, за эти два года счастья женщины, за тех друзей, которые рядом со мной, и за то, что он показал, как нужно жить честно.

Он добросовестно выполнил свой долг, он всех нас защищал там, в Чернобыле. Стали прощаться, ребята подходили к гробу. Я смотрела на этих красивых людей, которые в тот день тоже потеряли частичку души. Смотрела на них, в их глаза. И видела, как он им дорог, ведь мой Сережа – самый

лучший. Мне было приятно, что я его жена. Его провожали очень хорошие, замечательные люди. Моего Сережку любил.

Я благодарна всем, кто пришел. Это были разные люди, многих я видела в первый раз, но они все так поддержали меня, так помогли. Мы хоронили удивительного человека. Нас объединил Сережа. На могиле – море живых цветов и венков, небольшая стела и Сережина фотография. Молодой, улыбающийся, свет в глазах, свет жизни.

Я осталась одна, рухнула на могилу, рыдала, но я знала, что ему хорошо. Он – самый красивый и лучший. Я так сильно его люблю. И даже на похоронах я чувствовала его любовь, он как будто показывал всем – это моя женщина, моя жена. Он все время со мной, мы вместе. Я поцеловала фотографию и медленно побрела домой. Слезы текли, но я была спокойна. Первое время я каждый день приезжала на могилу. Я заходила в церковь, а потом шла к нему. Только там, поговорив с ним, я обретала какой-то маломальский покой.

Мне казалось, я не переживу его смерть. Но я живу, скорее существую, но я есть. Меня поддерживает любовь к нему. Очень тяжело, страшно, больно. Иногда невыносимо. И еще очень, очень долго не будет облегчения. Горе, которое в тебе, велико, и оно давит. Жизнь идет, все меняется. Но я знаю, что наша любовь неземная, вечная. После Сережиной смерти происходило и еще произойдет много разных событий. Но я точно знаю, что его любовь и дальше будет согреть.

вать меня. Она поможет нам всем.

Песня, которую Сережа спел на нашей свадьбе. Его подарок мне. Я не знаю, кто автор этих слов, но в Серезином исполнении она звучала прекрасно и незабываемо.

Я хочу, чтоб ты стала моей женой
И была, дорогая, все время со мной,
Чтоб делила со мной без усталости
Все надежды, печали и радости.

Ты подаришь мне сына, а может быть, дочь.
На тебя она будет похожа точь-в-точь –
Синеглазая, русококая
И, как мамка, немного курнокая.

А еще я хочу, чтоб любили наш дом,
Чтоб друзья собирались за круглым столом,
Чтоб делили с друзьями все вместе мы
Нашу дружбу с печалью и песнями.

Если сразу ответа не можешь мне дать,
Не спеши, дорогая, могу подождать.
Ведь мечтаю уже больше года я,
Моя милая, добрая, гордая.

Chernobyl: Pages of Life and Love

These words from my soul are for Sergei's mother, Galina Akimovna:

«To my dearest mother, Lida. Thank you for a fantastic son, husband, father, and person. I bow down to you».

With love and respect,

Natasha

*When the waters of the Flood
Returned again to the borders of the coasts
From the foam of the vanishing stream
Love got out onto the land
And hid, unmoving, until a certain time
And the time was forty days and forty nights...*

Vladimir Vysotsky

Our lives are a multitude of acquaintances, meetings and partings. Once, long ago, being a very young girl, I married

a man with whom I was in love. We had a daughter and everything seemed to be going smoothly, but eventually we came to understand that a life together was not really possible...

Either the love had gone, or it was never there to begin with, or maybe it was just that pride did not allow us to forgive each other. I won't describe our break-up. Parting was terrible and tortuous for me. Life had given me a hard slap in the face, and I re-evaluated things and understood a good deal. Sometimes, against my will, a thought would bore into my head, turning it cold: would I really never again in my life experience the unrepeatable, unearthly feeling of real Love? Our daughter remained with me and I began a new life, but it was nevertheless very difficult: the pang of loneliness became sharper with each passing day. I began to examine my situation and note down the thoughts, which came into my head.

«Loneliness – it is not the worst condition; it teaches you a lot of things and forces you to think. Life reveals itself completely differently – you literally watch it from the wings and then choose the way out. Only in loneliness do you know the value of a real body and closeness, softness and love. It teaches you and perfects you. You don't need to be afraid of loneliness. It is not an enemy, but a friend...»

Questions arose of their own accord: What do I want. Who is He? I am looking for Him and I know that He exists somewhere. I again cite my old notes.

«I am sure of this: as soon as I meet the one I need on my life's

journey, everything will fall into place. Meanwhile, I am obliged to live and get on with business. It isn't important whether this man is rich or poor, I will accept his love only if he needs my love, my sincerity and honesty and is able to love and care for me himself. Where are you, my only friend? I am so tired of lies and pretence. Come quickly and protect me. Take me away from all this! How I want to live with love in my soul, rest my head on your shoulder, to smell you...one day to meet you and to know that you will always be with me. To wake up from your kiss and to kiss you while you sleep, to feel you breathing... to discuss everything with you, to fool around, laugh and cry, to wait for you and every time rejoice at your arrival. I have been so bored and tired without you.

Come home, my sweet. I know that you are also tired and are waiting to meet me. Seek and we must come together. A kiss will unify us. Our bed will carry us away to a world of love and sweetness. We will give to each other a priceless gift – our love. We will discover peace and happiness. And we will preserve it and care for it. I await you, my only beloved man...»

My meeting with him was very simple, ordinary, and at the same time, surprising. At the end of October 1996, I came to the swimming pool, as I had done for the last four years. The swimming pool is a pressure release for me, just about the only place where I can relax and let go, where I never brood over things and feel unhappy.

My mood was like the weather – gloomy. Alone and with an

ache in my soul I went to park the car. Coming up to the parking lot, I saw a young man in a gray raincoat, who energetically waved his hands, showing me the best place to park the car. What is more, he did it clearly and deliberately, so that one paid attention to him. I remembered that I had seen him earlier in the swimming pool – he always came with a friend – but I never noticed when he appeared. I knew most of the people’s faces there, but I only knew a few by name. That day, I subconsciously felt that he paid attention to me. For some reason I lingered by the car, and it so happened that we arrived at the entrance of the pool almost simultaneously. Behind me I heard a man’s voice.

“Going for a swim?”

Turning my head and glancing up at him, I unexpectedly experienced several immediate feelings: irritation, agitation, interest. I answered him playfully, but at the same time haughtily

“And why shouldn’t I?”

In the hall I indignantly told an acquaintance of mine who was an assistant there, of the young man’s behavior. What nerve! Her unflattering comment about him made my bad mood still worse, for some reason. I gossiped for a long time with the girls in the cafe and then went to the solarium. When, finally we got to the sports hall and the pool, the young man had already gone.

So often chance meetings occur in our lives, which have no meaning, and are quickly forgotten about, which have no influence on its measured course. However, after a few days, I saw the young man in the sports hall again. He politely greeted

me, and nothing more. The same thing happened for several sessions. But some time later he came up to me as if I knew him already, and, sincerely hurt, began to tell me how his car had broken down. I remember that it was his sincerity that struck me then. I began to look at him attentively. I liked him. Well-groomed, lightly unshaven. His eyes... yes, he had beautiful blue eyes with large lashes. He was well built, although...although his legs were regrettably rather short. In general, he made an impression on me. Women liked him, and felt, that he also was not immune to their charms.

For some time we didn't see each other: it was difficult for me, I again felt mentally crushed and stayed at home. My friend came round and dragged me – yes, literally dragged me! – to the swimming pool. We went in his car – it seemed to be the first time I hadn't been in my own car.

I went into the pool, without having the slightest desire to exercise. I automatically wanted to go and get changed when I suddenly heard steps behind me:

“Hello!”

Turning my head, I saw the same young man. He was sincerely glad at our meeting and was smiling and I immediately felt somehow lighter in spirit. We chatted for a long time. It turned out that his name was Sergei. I suggested we carry on our conversation in the café after our exercises. He became confused and said that he probably would not be able to. My reaction was surprisingly calm, “Well, some other time, then!”

That day I got pleasure out of my training – a rare occurrence in those days. When I went to the café afterwards, I saw him. He had been waiting, and offered to take me home. He and his friend agreed to wait whilst I had a bite to eat. We went in the beautiful car belonging to his friend. Sergei's car was still being repaired. On the journey, I opened my heart, for some reason I immediately started telling them all about my unhappy personal life, about my daughter and about my studies. Sergei's friend drove us up to my house, he was hasty about it and left in a hurry. Sergei got out with me. The weather was dank and slushy – to stand in the archway was idiotic. I turned to my new acquaintance and said, “Don't take this the wrong way, but you can come in for tea, if you like.”

He accepted. I understood: he is not coming for the tea, but to put another notch on his bedpost – how his pals would applaud him at work the next day.

We got inside and chatted for a long time. I really liked him: he talked sincerely and honestly – there was no dishonest streak in him. I admired him, but for some reason was absolutely certain that nothing would happen between us. Naturally, he was late for the metro. I made a bed for him and I wanted to leave the room. But suddenly his arm wound around my body, he held me tightly against him. I wanted to push him away, tear myself out of his grasp, but I only succeeded in wriggling a little. He held me tightly, his strong arms not letting me go. He caressed my cheeks and neck with his lips... I stayed with him...

Finally it had come – the feeling that he was the one, the one I had been waiting for. As I embraced him, I had no doubt of this. It was his smell, his body. A surprising feeling of wholeness arose in me, a feeling of harmony. He was persistent and gentle. I felt incredibly good, but the thought that this happiness might only be for one night did not leave me. I went to my room, but he again appeared beside me and there was a feeling as if we had been together one hundred years. I revelled in the warmth he gave me...

He woke me up early in the morning. He had to go to work, but again, I could not shake the feeling that the fairy tale was over, that the beautiful dream had come to an abrupt end and that there would not be anything else. We spent a long time saying goodbye and he told me that he did not want to leave and I believed him, I wanted to believe him. It was Thursday, October 31st

Friday went by. He didn't phone me. Various thoughts played about my head. Everything was fine, I surely knew that it would be like that, and I calmed myself with the thought that I was a free woman and could do anything I wanted.

His phone call on Saturday took me by surprise. I so wanted to see Sergei, but I acted with reserve. He said the he felt unwell, but could come to see me. I answered that I would be not far from him and I could pop in and see him myself. I had already decided for myself. However it was, I was rather worried when I left for some reason.

We spent the time very happily. Next to him I felt like a real

woman – desirable, weak, protected. And no matter how many women he had had, at that instant, he only belonged to me. He did everything for me. He brought me a snack in bed, told me many things and laughed a lot.

We looked at his photo albums. I saw a photograph of a girl who I knew. He was a little embarrassed, and said that he should have put the photograph away. But I calmly met this with “It is your life, and you don’t need to hide any of it. The important thing is that now we are together and we are perfectly happy. You have your life, and I have mine.” He understood me and with this our relationship became even more intense.

Of course, it wasn’t very pleasant to see him next to another girl, but I didn’t have the right to reproach him. I was with him and that was the main thing. In the evening we parted, he went to some girl’s birthday party and I went back home. I really didn’t want to part with him, but I didn’t feel I had the right to interfere with his plans. I felt a little hurt and put out, and I again consoled myself with the thought that I had known all along that it would only be for one night...

He called that night and asked permission to come over. He had drunk a lot. He fell asleep. But even like that I needed him. It felt natural there right beside him.

In the morning, we went to ‘the field’ – an amazing place, where people go with pit-bull terriers, training them for combat. This spectacle struck me no less than the man who took me there. I should have left, but we stood there like children, holding each

others' hands and not finding the words. That is how we spent our first Sunday.

We began to meet, cutting off the past and entering the present, which belonged only to us. I was getting to know him more and more, rejoicing in the moment spent with him alone. But I was also a mother, and therefore life placed an unavoidably difficult choice before me: should I spend the weekend with a man who made me feel incredibly good, or with a daughter who I really love and who needed me more than anyone in the world.

But he was the best person in the world, my darling, my only man, and everything was sorted out. I told him that I couldn't meet him this weekend, that I was spending it with my child. He quickly proposed another solution: "I like you, which means I like your daughter too. I want to get to know her." That evening we were like a real loving family. I brought my daughter from my parents' place. Sergei got acquainted with her and was really happy. He never stopped joking and, being a little tipsy, became so amusing.

We were a family, and friends came to visit us. Sergei began to talk about what if I was carrying his child. Why was that? Truthfully, in those first days of our relationship, he told me, "You know, you are the woman with whom I would like to have a child." From the very first meeting he treated me with warmth and softness and on this evening he boasted to our friends that I was expecting his child. But I was surprised that he wasn't joking, he really wanted a little one. But the main thing was that he loved

my daughter and treated her with care and attention. This man had become the nearest and dearest thing to me.

But I knew that it could not be, it wasn't like that. When he slept, I often sat around him, stroking him, basking in his smell and the feeling of being beside him. Sometimes it was so hurtful that we had actually met and would not be together forever! He was real lady's man, a bachelor, a man living in the present day, why would he need a woman with a child with all the problems that come with that?

Why was I so afraid to believe in my own happiness, and why was I so certain that all this was just temporary, I cannot say.

I had been one or two weeks late, but now it became longer. Sergei asked me, "Is everything alright?" I answered, "I went to the doctor, he said that I need to take the IUD out if I'm to give birth. If I'm not to give birth, then I have to take it out in any case and use other means of contraception, but because of these delays complications might arise during the pregnancy."

He took my hand, kissed it and said: "Take it out and to the heck with it." I tried to object. "I will become pregnant at once." "Yes, yes, and you will bear me a son. We will have a son together."

Sergei slyly started to move things over to my place, although he did it very tactically and carefully. We visited the doctor frequently and began to wait for the moment when our closeness would bring us joy, the fruit of our love. Everything happened very quickly: In January I became pregnant. Sergei was so happy!

He had brought his things round, but it was nevertheless very difficult for him as he had to get used to the new environment.

On January 13, the Old New Year, the first 'son' was born in our home – our dog, Dobry. After this we went to friend of Sergey every week to look at him. I knew that Sergei really loved this puppy and suggested he take it to our place.

An unexpected problem confronted us: Sergei was made laid off at work and we slowly began to wind down my business. But he shared all these problems with me, all these days and nights he was beside me, protecting me from problems with his love. I knew that I was loved, that he was alongside me and so everything would be alright. It was a very difficult period in our lives. I survived it thanks to Sergei's love and made it through our wedding. Sergei said that we had to register. We don't want a kid with unmarried parents. We arranged the nuptials for April 25. It was a very beautiful and happy wedding. We were very happy and rejoiced in each other. We loved and respected one another. In his eyes there was so much warmth, love and happiness! At the wedding he sang me a song that brought tears to my eyes. He sang for me. He sang to his beloved wife. To me.

The pregnancy went on with great difficulty. From the beginning I had serious toxicosis. He suffered immensely, afraid for me. Once, seeing how bad I was, he said, "We can go and get an abortion, since you are so ill." I know that for the sake of me he was ready to deprive himself of a son, but I could not do it, I wanted to have our son, a child with him. He kissed me and said.

“I love you, my one and only. Only you can put up with all this, and I am glad that you are mine and are carrying my little one.” I understood his words and how my wonderful, darling, beloved man cherished and understood everything. And what happiness it was to be with such a man.

Our money situation deteriorated, but we nevertheless got ready to travel to Sergei’s homeland, the Ukraine. He very much wanted to acquaint me with his relatives and acquaintances so that they could see me as his wife.

When we met, he told them all: “This is my beloved woman”, but after we were married my introduction became: “This is my lovely wife.” The word ‘wife’ began to sound to me like music.

I liked being his wife. He was proud and boasted of his family. He loved us, both me and my daughter.

We relaxed wonderfully and at Sergei’s house I liked it very much: kind, good parents, remarkable, sincere friends. We stayed in the Ukraine two whole weeks, but we had to return. My daughter Lena had to go to her first class.

We quickly decided the question of the adoption of Elena by Sergei and he officially became her father. When she was put on his passport he ran to show everyone that he had a daughter. Lena began school with a new surname and patronymic; she loved her father very much. He did everything for her: she went to the best school. She became our daughter, but he was the father, the only real father to her.

The contractions had begun two weeks earlier. Sergei and I

consulted a doctor, and we were advised to go to the hospital immediately. Toxicosis was there from beginning to end. I hadn't put on weight and my strength had gone. He suffered terribly, but he didn't lose confidence that we would have a son, a son, only a son. The ultrasound confirmed that was a boy and even took a photograph of him. Sergei showed it to everybody although there was nothing there to see.

Labor was long and hard, but on the next day at 18:45 I gave birth to our son Alexander – Sasha for short. They didn't give out any information on my condition for a long time, because for a long time it was critical.

For some reason they told Sergei that he had a daughter. The nurse who told him this heard a flow of oaths and curses: he was in shock, offended at everyone and everything. He only needed a son: after 20 minutes he was called at home and apologetically told that he had a son: weight 3.9 kilos, height, 53 centimeters. He said that life came back to him at this moment. His happiness was boundless, he loved us, and we felt this from afar.

Sergei had to drive to earn money: We didn't have much to live on. But I had to eat well. He worked nights and in the day he spent it all and brought me food in the maternity hospital. He fed our daughter at home and sent her to school. He had all the responsibility. We were discharged on October 14. He met us with an armful of roses and was the happiest father in the world. We lived like friends, and the problems of life only made our marriage stronger; we never quarreled over money. Little Sasha

brought still more respect and warmth into our relationship. Probably, this is the greatest happiness there is.

We always had many friends, and they often came over. Little Sasha was surrounded by people from the very beginning. We watched our youngster grow and were pleased: we were so happy because we were together, that we had a son and a daughter. All the adversities, which descended upon us, passed us by, and our bond was tighter, our love was stronger.

On April 18th 1998 Sergei was 34 years old. We celebrated his birthday at home. Early in the morning, I placed a beautifully packaged box on his pillow. Inside was a watch – one that he really liked. Titanium. He had wanted it forever. I was glad that I had been able to earn the money and run down to the shop the night before...

He liked the watch immensely. The whole day he boasted and showed off – he was someone who could pull it off without being offensive. He kept and cared for this gift until the end of his life.

At the end of May, Sergei's health declined, and pains in his stomach began to intensify. On the right side of it, a lump swelled up. The pain had been there before, but he had not eaten anything and it had passed. In 1989, Sergey had been part of a decontamination team at the Chernobyl Nuclear Power Plant disaster. When, twelve years later, the pain began to disturb him constantly, he went to the Chernobyl polyclinic, where he got an order for an otoscopy. It couldn't be done in the polyclinic, he had to go to the hospital. He really didn't want to go to the hospital,

and was scared. We phoned various different medical centers to check, but they all said that this barium X ray was only available at the hospital. Sergei lay in hospital. They didn't examine him and they didn't even make an appointment for the X ray but only removed a polyp, which had appeared in a completely different place. The doctor simply didn't get to the source of the pain, because the patient was badly prepared for the operation. Sergei lay in hospital for three weeks. The first time I visited him was on the day of the operation and I was frightened: he was pale green in color and thoroughly worn out. I brought him a basket of roses. He looked after them, watered them. After that I came every day. Before he was discharged I went up to his doctor and asked what the worst could be. The answer came, like a storm cloud in a clear sky. It could be cancer.

The earth went from under my feet, and all the colors of the earth grew dim. But behind me, just five meters away, stood Sergey. So I collected my strength and went up to him with a smile.

“Everything is fine, it is a polyp. In the autumn, they'll do everything and take care of you for good.”

I did not know what to do. I drove out bad thoughts. However, looking truth in the face, I had to admit it: when he came home from the hospital, his condition was rather worse than when he had gone in. He had grown very thin and the pains had increased. In hospitals they had started spring-cleaning and you couldn't get in.

Summer came. He wasn't happy any more. We didn't go anywhere. Twice we went to the town, but he felt ill and we had to come back again. We waited for the autumn. On September 8 Sergei was put on a therapy program at the same hospital, and on the next day the first X ray was taken. Afterwards he was moved to the surgery department and I was summoned to the doctor.

I came to the doctor with our son. We sat in the office of the head of the department. He looked at me and asked, "Have you guessed what is wrong with your husband? Do you know anything about his condition?"

Yes, I knew Sergei had cancer. The diagnosis confirmed this, but what stage it was at, and what we should expect, the doctor could only say after the operation. And again, when I saw Sergei, I smiled and said that everything was okay, there was nothing to worry about, we were together.

The operation was set for September 17. In two days time was my birthday. I cried – I could not believe that my Sergei had cancer. No, everything would be okay, I believed. Everything would be fine.

It is a terrible feeling when everything inside is breaking; you want tear out your hair and cry out. But there is no way out.

I visited to him every day. We had things to talk about and we simply loved being together. We liked the doctor. He was the same age as Sergei, very pleasant and attentive.

On the day of the operation, I arrived towards one in the afternoon. The operation was scheduled for the morning. When

I went into the ward, I was told that they had just taken him to the operating room. Ten minutes went by. Time went slowly, it was terrible and unsettling. I sat in the hall, with tears flowing, it was so painful.

The patients came to me, calmed me down, told different stories, spoke very well of the surgeons. These kind people supported me. Their presence helped me a lot. Thank you, dear people.

I went to the church, which was opposite the hospital. I went in and said prayers, and lit a candle. My eyes were clouded with tears. When I got out of the church, I bought a crucifix. It was small and gold, on a leather cord. We had christened Sergei in the Ukraine. His godparents were his best friends in that life – his youth. Now I really wanted him to feel that I was beside him the whole time. I knew that he would be in recovery, and I would not be let in to see him; flowers were not allowed in there either, but they had to give him the cross. After the anesthetic he would see it and he would gradually grow calmer.

They had told me that such an operation takes a long time. But in all it took only two hours and our doctor called me into the office. Everything in me seized up, and I felt that I was about to hear the most terrible thing in my life... The doctor began to talk in a calm, soft voice.

“I must tell you the truth.”

It was difficult for him. He could not look me in the eye.

“Yes, Doctor, just tell me the truth”, I answered.

It really was so terrible, that everything turned upside down. It seemed to me that I would go crazy. It was Stage IV Cancer, inoperable... too late.

If only tears and screams could change anything! I cried and did not want to believe it.

“I love him, anything, anything at all, but just not this, not him, no, no.”

To this day I hear my kind doctor’s words: “Go ahead and cry. But only in here and right now, because later you won’t have the right to do so.”

And I cried and cried, and sobbed my heart out.

“How long will he live?”

“Not long. From a few weeks to six months.”

God, how terrible it was, that some inhuman pain could tear you to pieces from within, and that there was no escape from it. I wanted to shout, to roll on the ground, to bang my head against the wall. I did not want to live. The man you love is dying and there is nothing you can do.

Everything in me turned away from it. I cannot lose him. I love him. He is my life. He is everything that has been best in my life. He is the greatest, the most amazing man. I cannot believe that I am losing him. The pain transfixed me. The doctor went out. I remained alone. I had time, at least, to pull myself together a little. The doctor said I could give him the crucifix myself, but I had to calm down. We decided to tell Sergei nothing. I knew that my kind, good man was not ready just now to accept

such terrible facts. He must come to himself again and know that everything would be okay. And I would fight for him. Everything really would be all right. Now was not the time for him to know about his ordeal... the fate that awaited him. The doctor came in and his lovely voice brought me back down to earth.

“Let’s go, but you need to pull yourself together.”

I promised.

We went into the intensive care ward. My darling, God, how I love him, lay sleeping. I went up to him, began to kiss him, to whisper words of love.

I heard his voice.

“It hurts. Where am I? Where am I?”

I stroked him, began calming him down: everything was okay, now everything was all right. Tears ran down my cheeks, I kissed him. The doctor helped put the crucifix on him. I left the ward and the strength finally left me. In the hall, I saw some guys there, two friends of Sergei. They came up to me and said that they knew everything. They supported me as best they could. The doctor told them not to leave me alone, to take me home and then watch over me.

“Come back tomorrow. He needs you, but you need to keep yourself together.”

“I’ll keep myself together. I will.”

The guys took me to the café. I cried and we talked for a long time. We didn’t want to believe in the death sentence. Pain smothered me, but I knew that the next day I had to be strong.

I came to him in the morning. He wasn't sleeping. I had brought a basket of thirty-three burgundy roses with me. They were very beautiful. I so wanted everything to be okay for him! He had to be happy and feel loved and wanted.

"Why are you spending so much money on me, silly?"

But he said this very pleasantly; his eyes were smiling.

We greeted each other. I kissed him.

"How are things, my sweet?" I said.

He began with a question:

Why was there a crucifix in his hand?

I smiled.

"You know, I felt that you were alongside me. I didn't see you or hear you, but I could smell you and your tears fell on my cheeks. My darling, you were crying...In the morning, when I woke up, there was a string around my neck. I looked – it was a crucifix, which meant that you had really been beside me. Only you could have put it on me."

He was happy and satisfied. I said that the operation had been a success, and now there would be a long period of recovery and everything would be fine for us. He hurt all over. It was even difficult for him to go to the toilet. I tried to help him: to raise the bed, so it was comfortable for him, to cover him; I even helped him to drink... when I left the ward, tears stifled me, I ran to the female nurse and asked for a tranquilizer. The evening came and I was getting ready to go home. I kissed him. He said:

"Tomorrow is your birthday."

“Yes. I will come to you and we will be together.”

In the morning I put on a yellow suit that he really liked, did myself up and went to see him. He was waiting for me, and we greeted and kissed.

“I wish you had brought some sweets.”

I ran to the doctor and asked him if he could have sweets. The doctor said, “Yes, boiled sweets.” I promised to bring them the next day.

“I knew that you would wear this suit.”

He smiled.

Time went by unheeded. We had a great time together. We chatted, did crosswords, he relaxed and I delighted in his breathing. We were together and nothing could disturb us. Taking out his bedpan, going down the long corridor, I thought: “Oh God, how happy I am, yes, happy. I am beloved and I love, I can be beside my loved one and indispensable to him, like the air that he breathes.”

He would often repeat.

“Go on, go home, you will have guests.”

“Sergei, I haven’t invited anyone, I will be with you, my darling.”

I left him late, at eight o’clock. For the first time in many days, I didn’t cry. – I felt very good. We had spent the day so pleasurably together that I was happy.

When I got home, I discovered a surprise. Our friends had laid the table and were waiting for me. They had come to congratulate

and support me. They were so kind and dear to me. They gave me presents, congratulated me, and all of them suffered the trials which I was going through together with me.

Sergei had given me a bouquet of 27 red roses for my 25th – a year later, my friends did the same. I will always remember these roses. They were roses of friendship, respect and love. It was wonderful to be among friends, and only the fact that Sergei was not there oppressed and weighed heavily on me. The thought that he had but a short time left to live constantly distracted me.

No, my Sergei would live. I was ready to fight for him, to look for the necessary literature, where I could find the straw to grasp at. But next to me were his friends and doctors – I believed them and believed in them. They gave me money, for I knew Sergei's cherished childhood dream. In the morning I went to the shop and bought him some binoculars, which I had chosen with his friends from the institute. They were packed in glittering paper with a beautiful bow.

When we went in, he immediately boasted that the doctor had given him a sweet. I went into the ward, put the box on the bed and said:

“It's for you.”

“Spending money on me again, eh?” He grumbled, but softly and pleasantly.

When he opened the box, he was so pleased that I noticed there were tears in his eyes. He turned away for a second and then called me to him.

“Come here.”

I leaned over.

“You are the best woman in the world. I love you. Thank you darling.”

My heart contracted. Tears smothered me. “I cannot lose him,” murmured a voice in my head. Sergei wouldn’t have been himself if he didn’t immediately start joking: the binoculars I had bought weren’t the right ones – they should have been navy ones...but I was happy that he was joking. Speak, say anything you like, only speak, my darling.

The days went by in turn and, as before, we spent a lot of time together. Sergei slowly started getting out of bed, his drip was cut off, his scar slowly healed over. I constantly beleaguer the doctor with questions: whatever I read, whatever I hear, I run to him with questions. He hears me out and always supports me. I am so in need of this support.

They showed Sergei’s operation on TV—I happened to watch it and subconsciously understood that several surgeons really worked magic on my Sergei. When it was time to discharge him, the surgeons promised that they would stand by us. They kept their word.

We were discharged and back home again. The difficult time began. Sergei in pain. The baby boy, our daughter at school; we started treatment using the Shevchenko method, from people’s medicine. We kept using spasmalgon pills. The doctor came and examined him, calmed him down: now would be the difficult

stage, the stage of recuperation, but he had to fight.

We decided to christen the children, give Sergei his first communion and sanctify the flat. The priest came to our home and talked to Sergei for a long time. The christening was wonderful and our friends became godparents. Soon we were preparing to celebrate our son's first birthday.

The priests said: you have to tell him the truth. You can't force this sin upon yourself. One of Sergei's friends came to see us.

"He really ought to know," she said.

"But how can I find the words?"

"You must! He must fight, knowing what we are up against."

Sergei's condition got worse. There were fits and a really awful night – then he showed for the first time how broken and tormented he was. Night pains, night, then remaining alone with his illness, I sensed for the first time the breath of death.

It slowly touched us. It did not sneak up, rather it inexorably moved towards us.

Regardless of fright or fear, I had no right to give in. I entered the fray, and there was no way back. But how should I fight. How could one turn the world back? I had a feeling of devastation, but in my head one question constantly rang: what is the right thing to do? My soul was crushed with pangs for which there are no medicine can help. Rigid with fear, seizing all my energy, sighing with pain and helplessness, I tried to find the right decision.

"I will embrace you as tightly as I can."

"I won't let anybody have you."

“Embrace me, hold on to me. We are together and no one can separate us.”

Our strength is only in ourselves, and this cold, deathly touch, which causes such pain, cannot alter our love. The embrace of two loving people is a power, which can change us into a single, indivisible whole – a monolith of Love.

A new attack began. I took fright and phoned the doctor.

“I have to tell him that he had cancer but it was removed and now everything is okay. The main thing is to fight.”

The doctor approved and said that a man should know the truth. I telephoned his mother.

“Mother, darling, I must tell you the truth: Sergei has cancer... I didn't say anything before. I thought that we would manage. Mother, I beg you, hold on!”

I remember this conversation with pain. I cried and so did she. It was our misfortune, our common grief. The misfortune of two women: mother and daughter.

I asked her what I should say to him.

“Don't tell him or he will do something to himself.”

“Mother, I will tell him half the truth, that the cancer was removed and now it's all behind us.”

“Do what you've got to do.”

Thank you, my dear, for trusting and supporting me. I telephoned Sergei's friends. They said that they would be round in the evening.

I tried to prepare myself for the conversation. I had to find the

words, so that he would want to live, so that he believed that the bad things were behind him. He saw my tear-stained eyes and he started to entertain thoughts, which disturbed me, which I did not like. I had to change his mind, shake him out of it, force him to fight, but I wasn't strong enough... I went into the room. He lay on the divan in the half-light; just a small light was on. I sat on the sofa, took him in my arms and squeezed myself to his chest.

“Sergei, I need to talk to you.”

“What's happened? You are scaring me.”

“Sergei, I need to tell you the truth... When you see me tearful or frustrated, it's not because I am tired of you, no, it isn't that. On the contrary, I love you more than ever before... You had a malign tumor, they managed to get it out in time... everything is okay, but now you have to help me to fight and it will be very difficult. Believe me, I knew everything from the very beginning and stuck with you all the same. It has been terrible for me, perhaps even harder than it has been for you. You have to help me, you can't let me down now. I have struggled for you and I am still struggling for you. You know that you're cured and that I am beside you always; gather your strength now! Life is beginning afresh...”

He held me close to him and I cried.

“Silly girl, what are you crying for? Everything's okay now, isn't it?”

I saw his eyes, and he understood everything. He looked at me with different eyes; now everything fitted into place. He stroked

my head and repeated.

“That’s enough, that’s enough, my beloved.”

He held himself together, although everything was raging inside. He was in pain, but looking at me he knew that I was in even greater pain. He understood that life went on, that he would struggle, because he had me and his children. And we were together.

Our close friends were also by our side. They came round and that evening we sat around a table with them. But I saw only him, understanding how hard it was for him. Within him a struggle was taking place – a personal struggle known only to himself. He joked, entertained us all, but inside he held back a completely different feeling. He went within himself and began to get depressed. He held himself together, but I felt that he was somewhere else. I chatted with him and we got back to the subject of his illness. Then we felt slightly better, because all our reservations were gone.

He believed in me and told everyone, “She knows everything, she’ll get me through it.”

We got ready for our son’s birthday and waited for the guests. In the morning of October 9, Sergei himself cut his son’s hair. I started to get in the party mood: joy – that was the thing that was the least possible in the given situation, but it was all the same unavoidable. Sergei must have seen how loved he was. I really wanted the party to be a success. I wanted him to feel good, to see his friends gather in his house.

One by one, the guests arrived, our doctor among them. It was a mixed company of about thirty people, but it seemed like it wasn't the first time we were all together.

He drank a little, his nerves were stretched to the limit. A relative from Moscow phoned and he went into the far room and talked to her for a long time. I went in to see him and there were tears in his eyes. He finished his conversation. We sat in silence and cried... When we got back to the guests, they fell silent. He really enjoyed the first birthday of our son, he was happy.

The decisions were being made by themselves. Back in the hospital the idea had come to me of going to Sergei's home. I prepared him for this. I said that we hadn't relaxed that summer, and that it wouldn't be bad to have a holiday, but I did it carefully. In addition, a lot of business appeared, filling in forms to do with the fact that he had been one of the decontamination team after the Chernobyl accident.

In our country, in order to prove something, sometimes we have to do a mountain of paperwork. There was a lot to do: the registration of invalidity, the pension, housing questions. But it was all necessary for Sergei to want to live and feel useful in this life. These matters were very important to him: he remained a man, capable of contributing to the provision of his family.

The medicine stopped working, so we had to try a different one. Anything, just not drugs. The time came to change from tablets to injections: they acted more quickly and didn't upset his stomach so much. How difficult it was to give him those

injections, how my hands shook and my heart stopped. But I took myself in hand, because I knew that it helped him, that it was a relief for my beloved and darling man. We had blood analyses and they gave us hope. I spent several sleepless nights, tensely thinking what I could do to help him. And every morning I did what I had planned. I had to keep myself together and not wander from the chosen path.

Our love cried out from pain. But he believed in me. He believed and wanted to live, to live with me and our children. God, how much love and softness there was in his eyes, but his hands spoke more than any words.

Before the journey, we decided to get a blood transfusion for Sergei. We had the same blood type. I really wanted my blood to flow in his veins. Our kind doctor came to meet us. I believed that it would help.

It was Saturday. We got to the hospital early in the morning. I was given sweet tea to drink and taken to the operating room while they put Sergei on a drip.

Two nurses began to fuss around me. My veins turned out to be very bad and the blood just wouldn't come. First they put the needle in my left arm, but without any result. Then they tried the right – also nothing. I began to worry. Surely part of me had to be in him and struggle with this illness. Another nurse came and immediately found a vein in the left arm. Blood flowed! I was happy, because he needed this blood so much!

The doctor really suffered on our behalf, but Sergei was

worried about me. My arms were bandaged and they helped me to the house surgery... Everything went well.

When we got home, Sergei helped me to take off my sweater: “Good God. Sweetheart, darling, what’s happened to you?”

He was stricken, shocked. He kissed me. I felt so much warmth in his touches, in his words and his voice.

I was overjoyed that everything had been successful, that my blood might help him just a little, that he would feel better and, above all, that he would know that, whatever happened, I was beside him.

It was time for the holiday, and we got ready for the journey. I was firmly convinced that we had to go, no matter what. Happily, Sergei’s friends helped us to solve the problem, mainly financially.

We would go to the doctor later, but now, we would go home: his native air, his mother, his home and it would all help. We went as a family: son and daughter, dog and us two. He was driving. But he was getting worse and worse. We decided to go through Moscow, stopping for the night with Sergei’s aunt. In Moscow, Sergei had a terrible fit.

“Natasha, do something, I’m in pain.”

I was in total confusion, but what could I do to ease his suffering? We went walking around at three in the morning, but it was difficult for him, both lying down and walking. There was no reprieve – only a pain which was strong, unendurable and all-encompassing. I talked to him I kissed him and held his hand.

“Let’s go, let’s go home. Let’s try to wash out your insides. Drink water and try to get it out of you.”

Once we had done what we could, he went to sleep. But I prayed to God to help him. I was happy that Sergei had fallen asleep, and I was afraid to move and guarded his sleep. He found sleep so difficult...

In the morning we were on the road again, and he was driving. What I felt on that journey is a treasured memory to me. I rejoiced, looking at him. What a wonderful husband I had, how nice it was with the whole family in the car, like being in a little house. And traveling. I wanted to shout and cry from happiness, when the children were sleeping on the back seat and the dog was sitting proudly in front. It was my family and I felt I was the happiest of women.

We stopped to refuel and decided to have a bite to eat... What a nice feeling to be a woman traveling with her beloved husband and children. And this little break gives you the chance to nurse him. Everything is to hand: sandwiches, soup, and it is all wonderfully delicious. He feels wonderful because you are next to him, and you sense this. I loved feeding him when we didn’t stop for a break; I liked this especially for some reason. Maybe there was an element of rapture in this, to be together with your beloved man and get pleasure from everything that brings you together.

We drove quickly. Sergei didn’t notice the traffic cops who were trying to stop us. Their bus stood on the other side of

the road. They pulled us over at a checkpoint. Sergei took his documents and got out of the car but ran back moments later.

“Natasha, come on, they that I have not only broken a law, but that I have disobeyed the traffic police. They say that a fine won’t settle it, something about a violation. I told them that you are my lawyer. Tell them everything.”

I saw how he trusted me. There was no sense in going there, I knew it, but he believed that I would sort out the situation. I went. They spoke to me rudely and it was impossible to prove anything. The man who was in charge was stubborn. One of the officers walked off, and I went after him.

“Listen, stop all this... You have to understand, he has IV stage cancer and we don’t know how long he has left, he’s just had an operation. I’m taking him to his mother and his friends. He doesn’t know. Help us, give us a fine and let us go. I beg you, don’t make him nervous.”

He asked me to go to the car:

“I understand.”

In a short time Sergei came back:

“Hey, everything is okay, they gave me my documents and destroyed the report. You know, the main thing is that everything is okay, and, well, you know, it’s only money. Anyway, we expected expenses on the road.”

And everything was all right again, and we were smiling.

We got home in the evening. Sergei was very tired and so were the children. His mother was suffering, but she really held

herself together. She is a clever and strong woman. Sergei was worse still and the injections no longer helped. He telephoned his friends. We met, chatted; when I managed to get them on their own, I told his friends the truth. And they, knowing the truth, also believed that everything would be okay. They even said to him, "Everything will be okay, you'll get better." They also believed in me.

Thank you for your faith and your support. I also spoke with Sergei's mother, but didn't manage it very often. It was very difficult for us.

The documents which we needed to get in the Ukraine still weren't ready; difficulties had arisen. I had to go to Kiev. Sergei was really worried about me and I was going crazy, thinking about how he would get through a whole twenty-four hours without me. But I had to go. On the day I left, he said:

"I know you'll get the certificate."

Now I was bound to get the certificate, no matter how complicated it was. We needed it. I left very nervous. I hadn't slept the whole night, repeating, like an incantation. "I have to make a success of this."

He waited for me, and was rewarded. I got the paper and the official stamp. I went back home, dreaming of seeing his eyes radiating joy. I drove up to the house, went in and my legs froze: he wasn't there to meet me, but his father instead. My heart stopped:

"What is it, what's happened to him?"

“Nothing, everything is alright, it’s just that he is sleeping and I didn’t want to wake him.”

“In the name of God, I nearly went nuts.”

I hurried; I wanted to hold myself close to him, I missed him. But it was so strange: he was unable to wake up and meet me. This thought would not leave me alone. As we approached the house, we saw a light in the window. His father opened the door and I immediately saw his eyes – the eyes of my one true love. He was alive, but he hadn’t come to meet me. He was very agitated.

I embraced him, seeing that he was in a bad temper.

“Hey, everything is okay, I’m home now, aren’t I?”

This is what had happened. His father had left to meet me earlier and locked the door. Sergei had set an alarm clock for a later time. Sergei woke, got dressed and couldn’t leave the house. He became agitated. His mother told me that he swore ferociously. But everything was okay. After all we were together again. He sang my praises.

“I knew that you would get this document. If you couldn’t do it, then nobody could.”

“Thank you for your faith in me, my darling.”

I had read a lot about his illness. Cold is the enemy of cancer. At home we sometimes showered Sergei in cold water from a basin. I tried to persuade him that we should take a plunge in an ice-hole, become ‘polar bear swimmers.’ I managed. We went to look for a place to plunge. It was very cold and snow was falling. We found a place. We took turns to plunge. It was wonderful,

but very cold. When we arrived home, he crawled under three blankets and lay there almost the whole day.

“What an idiot I have on my hands! Mother, this idiot nearly got me frozen!”

But I only smiled: how much warmth and love there was in his words. It had been one more moment of struggle together.

It came time to go. The road home was hard but, more importantly, we were very content together. When we got home, there were many calls on the answering machine: waiting for us, worried about us. It was very nice indeed.

The next stage of life began. Sergei was even worse. The pain didn't let him relax for an instant. I went to the oncological center. The doctor turned out to be a very nice man. He smoked a pipe. He looked at my notes and asked, “What can I do for you?” I said something else, but I already understood: he was powerless to help me. It was hard for him to refuse us, but there was nothing he could do.

The nurse just offered a pack of tranquilizers for Sergei...

At home, I told Sergei that everything was going as it should do, it was a complex business. I gave him a new injection, and finally the long awaited relief came: for about four hours he no longer felt any pain. After this he told everyone about the miraculous needle and how great he felt. Now this medicine was always in the house, regardless of any difficulty. But his system got used to it, and he needed the injections more often. I noticed his increasing disquietude. Now I would get up in the night, as

soon as he stirred and immediately run to him and give him a shot. He was a very strong man. Realizing how tired I was, he gave himself the injections, so as not to wake me. I would jump up, run to him and he would say, "Sleep, little one, I have already done it, relax." He continued to look after me, I felt this all the time.

We still went to the pool two or three times a week. However, his system gradually grew weaker. We thought about his going back to hospital, getting an intravenous drip, strengthening his system, having another transfusion. On December 2, a Wednesday, Sergei just couldn't swim. He said that he was in a bad way. On the Thursday, he had become even worse. On Friday morning we were getting ready to go to hospital. Sergei couldn't move and hurt all over. I helped him to get dressed. While I was dressing him, the dog howled. He went down himself, but slowly. Slowly he sat in the car...

When I was taking him to the hospital, I was sure that it would be no more than a week. While we filled in documents in the lobby, he became still worse. They put him on a trolley and took him to the wing. I went up to the 5th floor by a different lift. Second surgery, ward No.2. Here my tired, beloved man lay on a bed, I lay him down and unpacked his things. Above all, we were together.

It was difficult for Sergei to speak; sometimes, with great difficulty, it was possible to make out what he was saying. I went home, where my mother was looking after the children. I

collected our things which he had asked me to bring, and went back to the hospital again. He was sleeping.

Injections didn't help: there was a lot of pain. He was in great discomfort. In the evening, Sergei's friends came to see him. We chatted. I again believed that everything would be okay. I was sent home for the night. "Relax, tomorrow you can stay," the doctor told me. At home my friends and I watched our wedding tape and cried. The girls drank home made vodka, I drank an infusion made by Sergei's mother, but I didn't close my eyes.

In the morning I came to him. I had bought a basket of roses and some really beautiful white flowers. He swore.

"Hey, I thought I told you not to spend any more money, you nitwit. And once again you've dragged in a bouquet."

But I knew that he really needed it, because he was my most beloved. In the evening I asked his friends to help me make another dream come true and buy a twelve-string guitar.

The guitar was very beautiful. We also bought strings and a blue bow. I went to see him.

"It's for you, my darling." I unwrapped the guitar. He sat on the bed, which was very difficult for him but his hands weakly strummed the strings:

"My little idiot. What did you get this for? I'm not up to playing the guitar right now..."

"It'll get better and you'll play and sing for me. I love you."

I kissed him, stroked him and calmed him down. He felt terrible, but there was joy in his eyes.

On Friday I was sobbing, I couldn't prevent myself. He slept most of the time. When he opened his eyes, the first thing he did was ask:

“Where is Natasha, did you send her to bed? She needs to relax...”

Through his pain, he only thought of me. He was as worried about me. I went to the ward and watched him as he slept. I sat by him, kissed him, stroked him, whispered how I loved him. Another night went by. In the morning I went home.

Sunday came. After lunch I went to Sergei, and in the evening I went up to the doctor and asked how things were for us. The doctor said that today everything would be okay. But he got even worse. They asked everyone to leave, but I stayed beside him. Sergei went to sleep after an injection, but started to retch and you couldn't understand what he was saying, everything inside him was wheezing. I helped him as much as I could and ran to the doctor:

“What can we do?”

But there was nothing that could be done. Sergei asked me to give him one of our “home made” injections:

“The ones that they give here don't help me.”

I gave him an injection. It became easier for him, because he really believed in it.

The doctor came and looked.

“They are giving him an injection now. He is dying. Sit beside him quietly.”

I cried.

Half an hour later, he woke up and began to undress. I dressed him. He said:

“Let’s go home.”

“We’ll go, my beloved, but in the morning, and we’ll go to the children.”

Staggering, he went down the corridor. We arrived in the room of the matron, where his coat and trainers were. He began to break the door.

“My sweetheart, my darling, don’t do that, it will cause them problems.”

I embraced him, and suddenly he turned to me and in his eyes was a call. He looked at me and sought support. He had gone away from me. I cried out and embraced him. He went limp in my arms. I told him how much I loved him and that everything would be okay.

“Hold on, it will all pass. We’ll be together, you and I.”

I took him into the corridor. He lay on the trolley. The matron came along. I kissed his hand.

“Don’t move. You have to fight. I love you and can’t live without you!”

I cried out, wept, held him with all my strength. I couldn’t let him go.

“I need you, I need you. I can’t live without you. I love you.”

He held me by the hand. He said quietly, but audibly,

“I promise, I promise.”

“Then put your arm around my neck and we’ll go into the room and you will lie down and sleep but in the morning everything will be alright.”

He got up, we went to the ward and I laid him down and gave him an injection. He stroked my face and held my hand. He loved me so much. He went to sleep. The whole evening he was throwing up violently and jumping up. We walked in the corridor all the time. After four at night he became more or less calm. I was with him and rejoiced in every instant we spent together. I was terrified of the coming morning: I was told that cancer victims generally die between five and six in the morning. I sat with him. He had asked me to lie by him and I was with him. God, how happy I was to be beside you, to touch you, to feel your breath, to love and be near you. Time went by: five in the morning. Six, seven...we had survived the night. I proudly announced to a friend of Sergei on the phone: “We survived the night.” I also told the doctor that we had made it. The doctor looked at me and said.

“I don’t expect there will be any more nights like that.”

Then I didn’t understand the terrible meaning of her words.

He was smiling, lying there so happily. I had to go until the evening. I spread out clean linen for him. He lay there and I put headphones on him and he listened to music.

They linked him up with an oxygen supply: he found breathing difficult. He had cheered up immensely. He was so happy. I asked him:

“Are you sure that you can manage without me? Maybe I shouldn’t go?”

“I won’t manage, but you’d better go. You have things to do. Only you can do these things.”

“I will come at four o’clock.”

“No, come at five.”

“Okay, I’ll decide for myself.”

He smiled, stroked my face and held my hand. We felt very happy. We were a united whole and nothing could tear us apart.

I got ready to go. He joked: he gave me the oxygen mask to try and then said:

“Have you got any chewing gum?”

I said I had.

“Then chew on it!” He laughed. And in his striking eyes were only life and laughter!

“I love you, I’m going.”

It was difficult to leave him. I was afraid to go. Coming out of the ward, I looked through the window. He lay happily and calmly. Somewhere flashed the thought that I would never see him alive again, but I drove it out of my mind.

My Sergei could not die. We had survived the terrible night and now everything would be okay.

I had asked a friend of Sergei to come round: I was very tired and wanted to get driving. I thought that I would see to the business and then get some sleep. But I had so much to do, it was all a blur, and soon it was time to go to the hospital. I popped

home to pick up a pillow for Sergei and some surgical spirit for the injections.

For some reason my heart was aching. I came home at twenty to four. I went up to the seventh floor. My mother, who was in tears, opened the door for me.

“Sergei is dead.”

“When?”

I rushed to the telephone, but the receiver was hanging off the cradle. The voice in the receiver was familiar, although I didn't recognize who it was and only understood that it was a female voice.

I ran downstairs and I wasn't crying – something inside me had broken. Downstairs, I simply howled and screamed. Sergei was dead!!!

Igor was waiting for me, and got into the car without a word and we rushed to the hospital. I was crying, howling and screaming. What he had gone through, the poor thing. He had had such a hard time. I was afraid that I would go crazy. Sergei had died without me and I would never forgive myself for abandoning him!

It was difficult to get anywhere. There was a traffic jam. But Igor was great. He did everything he could. Earlier in the day, when we had been driving somewhere on business, I had told him that when I saw Sergei, I would lie to him, telling him that he would have a flat in two weeks but I did not have the time, and I had been counting on it to bring him back to life. Everything

had collapsed. I couldn't bear it and my heart was breaking, my brain was melting. I jumped out of the car, ran to the hospital. I was running up to the fifth floor, stumbling. People were sitting in the corridor, and some guy wanted to stop me but I didn't see anyone or anything. I was going to him, my darling, my only one. I was afraid that they would take him away without me.

I flew into the ward, pulled off the blanket and what I saw, slew me for good: he was laying there, happy and blessed. He was bringing peace, and I kneeled before him, kissed him and his hands and whispered words of love to him. I knew that he could hear me, that he was with me. He was lying motionlessly, with his eyes open and his mouth open.

I am kneeling before him, crying, kissing him, his hands, holding his hands in mine...The feeling which I was going through is impossible to describe with words: it is a wild pain, which transfixes and holds your soul and your consciousness in its grip. I was an animal, mortally wounded, which sees its mate, its other half, murdered and torn apart with its own eyes; it fights, howls and is exhausted with pain, but cannot do anything... Something similar was probably happening with me. I wanted to die. The pain was killing me. I was looking dully, as if it were someone else, and not me observing us from the outside.

My mind refused to believe in the fact that the most terrible thing had happened. I am talking to him and I know that he can hear me. His eyes see me, he is with me here, but I will never hear his voice again. His hand will squeeze mine for the

last time. I will kiss him and listen to the last processes taking place in his system. He is going away from me. I remained here completely alone. Here, kneeling before him and holding his hand, palm upon palm, I understood that along with him, real female happiness was also leaving. The happiness of a woman, who was loved by her beloved. I was everything to him; no one and nothing could replace me in his life. He was proud of me and admired me. I was his ideal woman, his ideal mistress, wife, mother of his children, businesswoman, human being; all these things he loved in me, the whole of me with my positive attributes and my shortcomings. His faith in me was my guiding star.

At that minute I understood that, from being the happiest woman on earth, I had become a lonely, beaten woman with a broken destiny. Where could I find strength? How to rise up again? My joy, help me, don't leave me in this nightmare. I cannot, I cannot stay here without your warmth. Life stopped at that moment. He had existed, and everything had existed, and then he was no longer, and all life vanished with him. I was orphaned. Kneeling in front of him, holding his hand, I realized my helplessness. I don't know how to describe what one feels, but sorrow is a terrible, strong feeling, a kind of madness. I was lifted up by the shoulders and asked to leave; I took off Sergei's crucifix, which the doctor and I had put on him, and I put it on myself. I kissed Sergei and could not leave him...

When I came back to his ward again, I was stopped. There was a doctor and nurses there. I stood in the corridor, as if mad,

and sorrow was overflowing in me. I did not want to leave and I did not have any strength to bear it. Everything was destroyed. I am incapable without him, this is a prison sentence. The pain was hellish, I was burning in that pain.

I went with them, and he was wrapped in sheets and taken to the morgue on a trolley. I went with him to be next to him until the very end. I was following the trolley and going mad with the thought that I would be leaving him here, that I would remain alone without him and he would never be with me. Everything had turned upside down in my head. Misfortune. My legs barely carried me. Tears fogged my eyes.

The nurse opened the morgue and parked the trolley by the door. I held his hand while they bound them up. They gave me a few minutes to say goodbye to him. I kissed him, as if I were crazy, and said something to him, words which, it seemed to me, I hadn't managed to tell him before now.

I just managed to walk out of there. I walked away from the morgue and sat down. I don't remember very well, but the nurses lifted me, I was either howling or crying. They took me to the hospital. I went into his ward, lay on his bed. I wanted to catch a bit of his last smell. The warmth that remained. I didn't know what to do, I had just died along with him. The only thing that remained of me was my flesh, but there was no me, just as there was no him.

I left the ward, and they said something to me. They told me how he had died. I listened. He died in his friend's arms. He

was waiting for me, looking at the clock all the time and saying: “Natasha will come at five.” I got back at ten past four, but it was too late. He had died at twenty to four. His friend had helped him get to the toilet. They had come back. Sergei had sat on the bed and his heart had stopped. The heart of this amazing person – an incomparable father, a beloved one, a darling one, the most precious person to me, just stopped. His soul achieved peace, the tormenting pain had gone. You are at peace, my joy. But this peace had killed me, torn me apart. I didn’t know how to survive it, or what had to happen so that I could breathe a little.

I was standing by the window in the corridor, and a doctor was standing nearby. I was looking at the snow, which was falling on the earth. Against the background of the yellow light from the streetlamp, the snow was somewhat heavy, rough and unpleasant. It was falling, and I was watching without a word. Silence.

“You know, it will be easier for me to live from now on, I had one guardian angel, and now there will be Sergei there with me. I will be very happy: now he will be near me and with me all the time.”

He left with such peace in his soul. There was something amazing in it. I also left the hospital very calm, I sat in the car.

I could not leave the car here; for some reason I could not. Something made me act this way. There was a good deal of snow and the car was weaving in the road. But while I was driving, the car didn’t spin out of control. I was crying as I drove. I had no idea how to go on living. All the most important things were in

him. I had lived with him for his sake. I love him. The house is him, the children are him. He is in everything, the meaning of life. His illness was the only thing that had occupied me in the recent past.

And now I had seen him off. I had closed his eyes, but he had opened them again. He had probably wanted to look at me for the last time. Look, my darling, look at me, I so need your look and your love. My soul is tearing apart.

I got home in a bad way. There were people at home. I took the photograph, which Sergei himself chose to put in a frame, his watch, pressed them to my breast, lay on the bed and cried. Then I fell asleep, and slept a few hours. I don't remember this evening well. There was dull pain, which twisted me up, tears constantly rolling, no desires whatever, nothing. Only the wild pain.

These guys, our friends, wonderful, amazing, real people – took on all the responsibility for the burial, solved all the problems themselves. They helped me, were beside me, they did everything: their moral and material help was sincere and human. Their grief was as heavy and great and their eyes overflowed with grief and pain. I love you all, my darlings, for your love and devotion to your friend, my beloved man. I did something and spoke but it was all mechanical. If our friends had not been there, I probably could not have done even this.

Sergei's mother and relatives came on Tuesday, the day after, December 8. It was a difficult meeting. His aunt with her daughter got out of the train first. Sergei's mother, father and

sister were in a different carriage. Only his aunt knew that he had died the day before.

I saw his mother's eyes. She was looking at me.

"How is Sergei?"

I was ready to fall down. I couldn't lie, but how could I tell the truth, knowing this pain, how could I?

But there was no choice, it would be very painful for her. I have to say, "Mother dear, sorry, sorry for the pain that I bring you." My mouth opened:

"Mother, Sergei died yesterday," I said. Listening to my voice, I, too, wanted to die. There was another tear filled wave of tears.

Mother, I'm sorry, don't cry. Her scream cut my heart like a razor. A mother's pain is a terrible pain. We cried.

Our friends agreed to bury Sergei in a very good cemetery. I went with them and chose the place. They wanted me to do it. I chose a very beautiful, light place. There was a central path and a church nearby. The funeral was arranged for December 10. The cemetery was very close to our home – only 15 minutes by car. It is so good that we are close to him.

It was a frosty day. I got to the morgue, people were standing around the coffin; I could hardly see them as I was looking at him. He lay there so beautiful and calm and seemed that he was about to open his eyes, get up and say something. I went up to him and fell on my knees and kissed him. I talked to him, my tears flowing. In my head, everything spun and I couldn't pull myself together. I was going mad because I was seeing him

for the last time. I could touch him for the last time. No, no, everything was rioting in me, everything was bubbling. I didn't know what to do, I just stayed and looked at him, I did not want believe all that. It seemed to me that it could not be true, it was some kind of nightmare. A bus came, people started walking into the morgue. I got up, met Sergei's mother. I took her to the coffin. They said goodbye. Her pain made me even more insane. I wanted to do something, to help her somehow, but I couldn't, I was experiencing such a wild pain myself. I didn't have enough strength myself. I don't remember what happened then very well. Everyone left and I stayed with him.

I was kneeling beside the coffin, kissed him, talked to him and prayed to God to bring him back. I could not just lose him like that. "I love you so much darling, don't go away. I'm helpless without you." My temples throbbed. I heard the hearse come, they had come to take the coffin. I don't remember how I got out of there. Our friends said that I came out howling. I howled like an animal, fell, thrashing against the ground. They say that it was a terrible sight. I was not myself. Everyone was crying. Sergei was a wonderful friend, a wonderful man and a wonderful soul. A lot of friends came to see him, everyone came to say goodbye.

I didn't order a wreath for Sergei, I brought him a basket of roses as I always had. Thirty-four bright red and beautiful roses for the most amazing and darling man. Everything went on as if in a dream. Why, why? He was so young, so beautiful, so good and clever, that man lived so little, he left his life just as it was

blossoming. How could it possibly happen, when he had a son and a daughter and me? We loved him madly, we were in such need of him. My God, why?

These questions whirled round, I asked them and did not get answers. They read the service for Sergei in the church in Volkovsky cemetery – it a small, comfortable chapel. We carried Sergei to the graves in a funeral carriage. His mother and I went beside each other. It was his last journey.

The priest blessed the ground. I opened the requiem. I thanked him for the happiness that he had given me. I thanked his mother for such a son. I thanked him for the son, which we have, for his love, for these two years of a woman's happiness, for those friends, who were with me, and for showing me how to live honorably. He had conscientiously paid his dues. He had defended us all, there in Chernobyl. Everyone started to say goodbye, the people came up to the coffin. I looked at those beautiful people, who on that day had also lost a part of their soul. I looked them in the eyes. I understood how dear he was to them, because my Sergei was the best. I was happy that I was his wife. Such good, wonderful people came to see him off. My Sergei was loved.

I am grateful to everyone who had come. Those were various people, many of whom I saw for the first time in my life, but they all supported me so much, helped me so greatly. We buried that amazing man. Sergei united us. The grave turned out to be very beautiful, a sea of living flowers and wreaths, a small column

and a photograph of Sergei. Young, smiling, light in his eyes, the light of life.

I remained alone and collapsed onto the grave, I cried, but I knew that he was in a better place now. He is the most beautiful and the best. I loved him so much. Even during the funeral I felt his love, as if he was showing it to everyone – this is my woman, my wife. He is forever with me. We are together.

I kissed the photograph and slowly wandered home. Tears were flowing, but I was calm. At first, I came to the grave every day. I came to the church, then to him. Only there, after I had spoken to him, did I achieve some kind of peace, but I still miss him a lot.

Now the pain doesn't lessen, rather it gets stronger, while the emptiness kills. I come to him, fall to his grave and cry and scream and weep. I talk to him. Sometimes I am ready to dig up the earth. Without you I am incapable, I just go crazy, it is so hard for me, but I am very happy: we had those two years, and you were with me. I come to him, cry and talk, and he hears me, he waits for me, I know that. He is nearby and helps me.

It seemed to me that I wouldn't outlive his death, but I am living, maybe not living, but existing, but here I am. I live with love for him. I look for strength. It's so difficult, frightening and painful. Sometimes it's unbearable. For a long, long time, there won't be any respite for me. It is very difficult in such a condition, the sorrow that is in you is great, and it weighs you down. It is you who feels all that and undergoes everything. It is yours. But

life goes on and everything changes. But I know that our love is heavenly, forever. Many events followed Sergei's death. But I know for certain that his love will continue to warm me, it will help us all.

The song which Sergei sang on our wedding was his gift to me. I don't know who wrote these words, but in Sergei's performance, it was beautiful and unforgettable.

I want you to be my wife
I want you always to be with me
To share in all my hopes
Sorrows and joys without getting tired.

You'll give me a son, and, maybe, a daughter.
She will look just like you,
Blue-eyed, with light-brown tresses,
And, just like her mother, with a small tilt to her nose.

And I also want people to love our house,
For friends to gather round the circular table,
For us to share everything with the friends
Our friendship with sorrows and songs.

If you can't give me your answer right away,
Don't rush, darling, I can wait,
I've been dreaming for more than a year

My darling, my kind, my proud one.

Фото взято из личного архива автора.